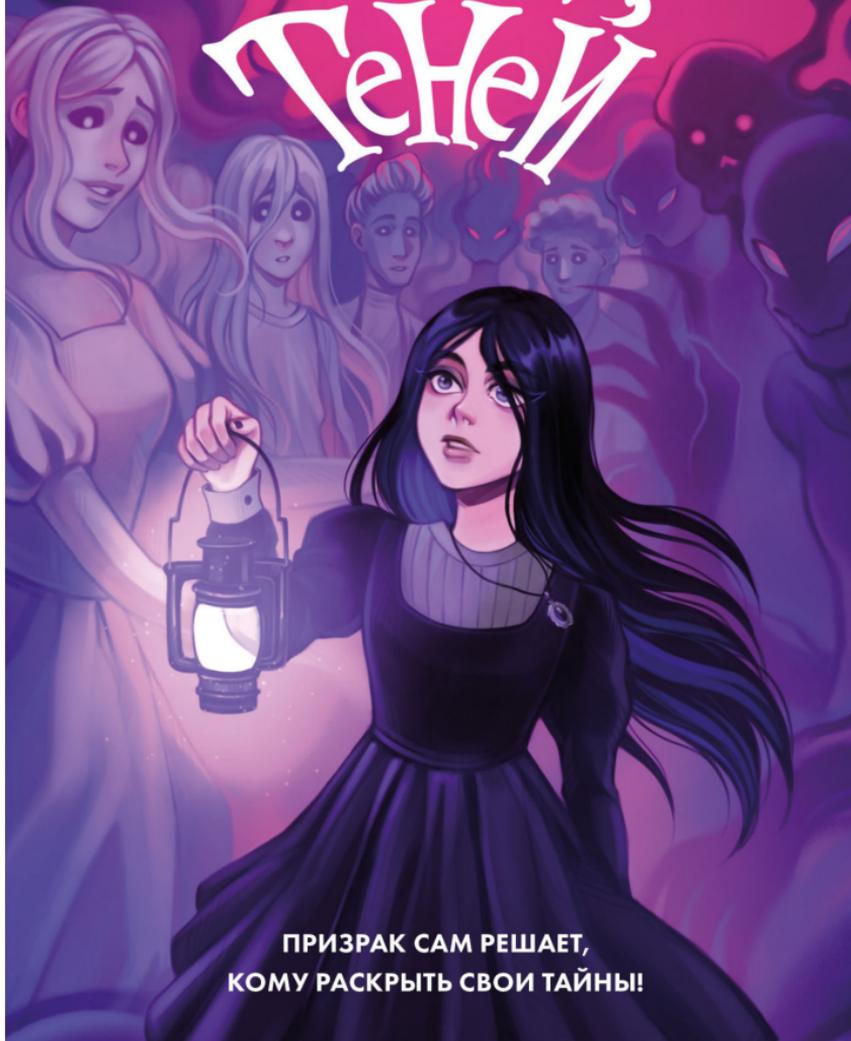

Клэр Легран

Год Теней

ПРИЗРАК САМ РЕШАЕТ,
КОМУ РАСКРЫТЬ СВОИ ТАЙНЫ!

Клэр Легран

Год теней

**Серия «Секреты старинного
дома. Фэнтези и приключения»**

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70051636

ISBN 978-5-04-193602-0

Аннотация

Всё в жизни Оливии идёт наперекосяк: неведомым образом исчезнувшая мама, помешавшийся на музыке отец да ещё и этот переезд в театр... Из уютной спокойной жизни девочка попадает прямиком в каморку за кулисами концертного зала! Хуже быть не может! Так думала Оливия... Но каково же было её удивление, когда она осознала, что её странная семейка – не единственные жители театра «Эмерсон-холл». А истинными хозяевами здания являются призраки! И им требуется помощь девочки.

Теперь Оливии предстоит спасти всех призраков театра от исчезновения и не пропасть самой!

Содержание

Благодарности	7
Часть первая	10
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	45
Глава 5	52
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	81
Глава 9	93
Глава 10	102
Глава 11	113
Часть вторая	123
Глава 12	125
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Клэр Легран

Год теней

Claire Legrand

THE YEAR OF SHADOWS

THE YEAR OF SHADOWS © 2013 by Claire Legrand

All rights reserved, including the right of reproduction in whole or in part in any form.

Иллюстрации на обложке и форзацах Елизаветы Валиковой

Дизайн обложки Анны Ковалкиной

© Рыбакова Е. Ю., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Посвящается учителям музыки —
моим и всем остальным —
и маме, моему якорю*

Благодарности

Эта книга имеет для меня особое значение по многим причинам. Одна из них – мой собственный опыт музыканта (раньше я играла на трубе); другая – борьба моей мамы с раком, омрачившая работу над романом. В связи с этим есть много людей, которых я хочу поблагодарить.

Прежде всего, моего агента Дайану Фокс – за неизменную поддержку, глубокое понимание, редкую пронизатель-

ность и бесценные телефонные разговоры; моего блестящего и вдохновенного редактора Зарин Джеффри, которая задавала правильные вопросы; всю команду издательства «Саймон и Шустер», особенно всегда готовых помочь Джулию Магауйр, Лидию Финн и Пола Кричтона, Катрину Грувер и Анджелу Цурло (огромное спасибо за частые гребешки, которыми вы прочесали текст!), Бернадетт Крус, Мишель Фадлаллу; шеф-дизайнера Люси Рут Камминс – за красивое оформление книги; Карла Квасни – за восхитительные иллюстрации; Пуйю Шахбазяна и Бетти Энн Кроуфорд – за рекламу книги.

Спасибо моим друзьям-писателям, вдохновляющим и поощряющим меня: Элисон Черри, Линдси Рибар, Лорен Магазинер, Тиму Федерле, Ли Бардуго, Трише Ли, Эмме Тревейн, Стефану Бахману, Кэтрин Катмулл, Эллен Райт; авторам из литературного содружества «Апокалипсис» – за их неустанную поддержку; и особенно Сюзан Бишофф и Кит Нолан, моим родственным душам. Блогерам, библиотекарям, товарищам писателям и читателям, «Твиттеру», «Тамблеру» и всему народу, пишущему в блоги, кто ежедневно радовал и любезно поддерживал меня, – спасибо вам.

Без занятий музыкой я была бы другим человеком, поэтому должна принести самые тёплые благодарности некоторым учителям музыки – Кристен Буле, Джону Лайту, Ирен Моррис, Эйсе Бёрк, Джей-Ару Стоку, Николасу Уильямсу, Дэннису Фишеру, Морин Мёрфи, Майку Сиско, Элли Мёр-

фи, Марти Кортни и Джону Холту, – которые на протяжении многих лет вдохновляли меня и побуждали к развитию. Спасибо Эндрю Джастису, Морин Мёрфи и Джонатану Томпсону за помощь в составлении программы Городской филармонии. Особая благодарность симфоническому оркестру Далласа и маэстро Япу ван Зведену, на прекрасном концерте которого я познакомилась с Оливией и Игорем, и Райану Энтони – выдающемуся трубачу и прототипу Ричарда Эшли.

Доктору Алану Муньосу – доктору Птице, как называет его Оливия, – и сотрудникам Далласской городской больницы за хорошую заботу о моей маме; моим друзьям и семье, в особенности тем, кто помогал нам в тяжёлые времена: Пати Ганн, Джуди Румиллат, Пэт Пибоди; Линкору Леграну – ещё не пробил час? – Эшли, Энди, моей чудесной мачехе Анне и моему неукротимому отцу Дабл-Ю-Ди – я скучаю по ним каждый день; моим дорогим друзьям Старру Хоффману, Бет Кесуани, Мелиссе Ганн, Бриттани Сисеро и Джонатану Томпсону – все вместе они моя опора и спасательный круг; и Мэтту, моему возлюбленному, мастеру расплести запутанные сюжетные узлы.

И наконец, Дрю и маме – спасибо, скучаю по вам, люблю вас. Мы справились.

Часть первая

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Глава 1

Тот год, когда появились призраки, начался так: Маэстро толкнул ногой дверь, бросил на пол чемодан и воскликнул:

– Вуаля!

– Видела уже, – заметила я. Если он забыл, я здесь вообще-то выросла.

– Да, но ты посмотри хорошенько, – сказал Маэстро со своим дурацким акцентом. Он, конечно, чистокровный ита-

льянец и всё такое (я-то только наполовину) – но зачем это так подчёркивать?

Я скрестила руки на груди и внимательно огляделась.

Ряды кресел с выцветшими сиденьями. Занавес на сцене побит молью. Бельэтаж с ложами для богатых людей полудиркулем охватывает зал. С потолка, расписанного ангелами, драконами и фавнами, играющими на свирелях, свисают тяжёлые люстры. В глубине сцены притаился, как спящее чудовище, орган, и его трубы мерцают под косыми лучами солнца, падающими из фойе позади нас.

Старый, знакомый до мелочей Эмерсон-холл. Тот же занавес, те же кресла, те же драконы.

Новое здесь только мы.

И наши чемоданы.

– Ну? – произнёс Маэстро. – Что вы думаете?

Я стояла между ним и нонни¹. Она хлопнула в ладоши и стянула платок с головы, почти совсем лысой, всего с несколькими клочками седых волос. В тот день, когда девять месяцев назад, прямо перед Рождеством, мама исчезла, нонни обрила голову.

– Ах! – От улыбки морщины у неё на лице углубились. – По-моему, это прекрасно.

Мои пальцы стиснули ручку чемодана линялого красного цвета с прогнувшейся крышкой.

– Ты уже видела этот зал, нонни. Все мы его видели мил-

¹ Уменьшительно-ласкательное от *poppa* (*ит.*) – бабушка.

лион раз.

– Но он изменился! – Нонни теребила в руках платок. – Раньше это была филармония. Теперь это дом. *È meglio*².

Я скрипнула зубами, сдерживая раздражение:

– Филармония и сейчас никуда не делась.

– Оливия! – Маэстро смотрел на меня улыбаясь. – А ты что думаешь? – спросил он так, словно и правда интересовался моим мнением.

Я не ответила, и нонни поцокала языком:

– Оливия, надо отвечать, когда папа тебя спрашивает.

Мы с Маэстро почти не разговаривали ещё с тех пор, как ушла мама, хотя, по сути, перестали общаться ещё месяца за два до того – он был слишком занят репетициями, концертами, попытками сохранить оркестр, клянча деньги у богатых людей на светских ужинах, и домой возвращался за полночь. Иногда он вообще не приходил ночевать и являлся только под утро, когда мы с мамой завтракали на кухне.

Тогда родители начинали орать друг на друга.

С тех пор я возненавидела завтрак. Каждый раз при виде хлопьев меня тошнило.

– Он мне не отец, – прошептала я. – Он просто Маэстро.

Я почувствовала, как в тот миг что-то изменилось. Я знала, что никогда больше не назову его папой. Он этого не заслуживал. Наш переезд стал последней каплей.

– Омбралина... – с упрёком покачала головой нонни. Так

² Так лучше (*um.*).

она меня называла. «Омбралина» по-итальянски – «маленькая тень».

Маэстро стоял неподвижно, глядя на меня своими тёмными глазами. Меня бесило, что у нас одинаковый цвет глаз. В душе клокотал вулкан.

– Кажется, меня сейчас вырвет, – заявила я, повернувшись и выбежала, прихватив с собой чемодан.

Я помчалась через вестибюль, мимо изогнутой главной лестницы и кассы, и оказалась на тротуаре. Прямо у входа, на углу Арлингтон-авеню и Уичито-стрит, я бросила чемодан и закричала.

Мимо проносились автомобили: легковые, грузовые, такси. По улице спешили люди: офисные работники с прижатыми к уху телефонами и с сэндвичами в руках направлялись на обед. Никто меня не заметил. Никто даже не взглянул в мою сторону.

С тех пор как ушла мама, меня вообще мало кто замечал. Одевалась я теперь в основном в чёрное. Меня это устраивало: чёрный цвет успокаивает. Волосы у меня были длинные и тоже чёрные, блестящие, и я почти всегда носила их распущенными. Мне нравилось прятаться за ними и притворяться, будто меня не существует.

Я не решила, чего мне хочется больше – заплакать или стукнуть по чему-нибудь, – а потому снова повернулась к двойным дубовым дверям, ведущим в Эмерсон-холл. По

обеим сторонам от них сидели каменные ангелы, дующие в трубы. Кто-то не поленился забраться наверх и раскрасить их из баллончика в оранжевый и красный цвета. Зажмурившись, я постаралась представить громоздкое здание филармонии домом, но ничего не получилось. И всё же мне предстояло жить в этом огромном, продуваемом сквозняком концертном зале с аляповатыми ангелами у входа.

– Какая разница, можно и вернуться. – Я со всей силы пнула двери, открывая их. – Идти-то больше некуда.

Мы поселились в двух пустых кладовках за сценой по сторонам от главного репетиционного зала. Рядом находился буфет с раковиной и основной кухонной техникой: микроволновкой, мини-холодильником и электроплиткой. Раньше она предназначалась для того, чтобы музыканты могли разогреть пищу и перекусить во время перерывов в длительных репетициях.

А теперь плитка стала нашей.

Маэстро, нонни и я затащили за сцену наши чемоданы, по одному у каждого, – всё наше имущество, больше у нас ничего не было.

Маэстро исчез в кладовке, которая должна была стать его комнатой, и на всю катушку врубил Четвёртую симфонию Чайковского на древнем стерео, стоявшем там много лет. Динамики трещали. Четвёртая симфония была первым номером программы того года. Скоро должны были начаться

репетиции.

Нонни аккуратно поставила свой чемодан посередине репетиционного зала с составленными друг на друга стульями и пюпитрами и со шкафчиками музыкантов вдоль стен. Она уселась на чемодан, помахала мне и начала напевать, теребя платок.

В последнее время нонни только этим и занималась – напевала и теребила платки.

Я долго сидела рядом с ней, слушая её мурлыканье в такт грохочущей музыке Маэстро, как вдруг словно вышла из себя и воспарила. Казалось, если полностью сосредоточиться, можно совсем порвать связь с телом. Гуляющий повсюду ледяной сквозняк не внушал оптимизма. «Отлично, – подумала я. – Здесь уже мороз, а ещё даже не осень».

Нет, не может быть, чтобы такое случилось. И тем не менее это правда.

У нас с нонни были раскладные кровати, уже с постелью. Я не знала, где Маэстро купил их, но сомневалась в чистоте белья, поэтому отнесла его в прачечную-автомат на той же улице и после стирки постелила заново.

Из-за этого настроение у меня испортилось окончательно. Порошок и сама стирка стоили нам несколько долларов, а когда у тебя ни кола ни двора, каждая монета на вес золота.

Ещё у нас с нонни были одеяла, сшитые мамой: бывало, после ужина она раскладывала на кухонном столе ткани,

ножницы, мотки ниток, бумагу, которую приносила домой с работы, и занималась рукоделием.

Когда я расстилала одеяла на кроватях, в нашу комнату вошёл Маэстро.

– Давно пора выбросить это старьё, – сказал он.

– Это наша с нонни спальня. – Не глядя на него, я продолжала разглаживать одеяла. – Уходи.

Он спокойно смотрел на меня:

– Я отложил для тебя немного денег. Может, тебе захочется что-нибудь купить себе в комнату или для школы. Скоро ведь начнётся учебный год?

– Да. – Я взяла у него мятую двадцатидолларовую купюру. – Уходи.

Поколебавшись, Маэстро удалился.

Застелив постели, я нашла в репетиционном зале коробки, не слишком старые и ещё крепкие. Также там стояли пара старых пианино, шаткие пюпитры и стулья с продавленными сиденьями – всё ломаное.

Я отказывалась ограничиваться только теми вещами, которые лежали у меня в чемодане. Это было слишком печально. Свою одежду и вещи нонни я сложила в коробки и поставила их в ногах кровати набок, чтобы они открывались, как дверцы шкафа. Потом затолкала чемоданы под кровать, с глаз долой.

В комнату я притащила два пюпитра и повернула под-

ставки для нот параллельно полу, чтобы получились прикроватные тумбочки. На своей я аккуратно разложила альбом для рисования, уголь и цветные карандаши. Эта замена тумбочки, стоящая около раскладушки в комнате с уродливыми бетонными стенами, выглядела невероятно грустно: помещение не предназначалось для того, чтобы служить чьей-то спальней.

Нонни подошла сзади и обняла меня. Она всегда замечала, когда я расстроена.

– Наверное, нам нужно украсить эту комнату, – предложила она.

– Да, наверное.

Я не могла выбросить из головы наш прежний дом в пригороде – симпатичное краснокирпичное здание с синей дверью. Его пришлось продать, потому что мы больше не могли позволить себе жить там: оркестр теперь совсем не приносил дохода. Продав всё, что мы имели, Маэстро вложил деньги в оркестр, чтобы сохранить его.

Невозможно выразить словами, как я ненавидела этот оркестр, и Эмерсон-холл, и всё, что с ними связано, включая Маэстро. Свою ненависть я выражала в рисунках, изображая всё подряд. Вот почему альбом для рисования занял почётное место рядом с моей кроватью.

– Я скоро вернусь, нонни. – Сунув деньги в карман, я повязала голову одним из платков нонни и водрузила на нос роскошные солнечные очки «кошачий глаз», которые купи-

ла мне мама. В таком виде я была похожа на актрис из чёрно-белого кино – Одри Хэпберн и Лорен Бэколл. Мама любила старые фильмы.

«Какие элегантные актёры! – восхищалась она, обнимая меня, когда мы сидели на диване и потягивали молоко через изогнутые соломинки. – Как изысканно они говорят и одеваются. Это просто мечта».

«Ага». – Я не очень понимала, что такого особенного в Кэри Гранте. Если честно, мне казалось, что говорит он довольно комично. Но вслух я произносила то, что мама хотела услышать.

Теперь от воспоминаний об этом меня слегка мутило. Как я могла не догадываться об очевидном – что однажды она оставит меня?

Я закрыла глаза и представила, как комкаю эту мысль и выбрасываю её из головы. Злиться на маму я не любила, словно она могла это почувствовать. Как будто она была готова вернуться к нам и уже стояла за дверью со своим чемоданом, но, ощутив мой гнев, могла передумать и уйти, на сей раз навсегда.

Легче было срывать досаду на Маэстро. В конце концов, если бы не он, мама, может, и осталась бы.

– Куда ты, Омбралина? – спросила нонни, когда я направилась к двери.

– В магазин.

Если Маэстро не в состоянии о нас позаботиться, придёт-

ся мне взять заботы на себя. И раз он не способен обеспечить нас настоящим домом, я сделаю всё возможное, чтобы навести уют.

Рядом с Арлингтон-авеню, на Кларк-стрит, находилось благотворительное заведение с бесплатной столовой, складом подержанной одежды и дешёвым продовольственным магазином, где был отдел хозтоваров. Я быстро прошмыгнула туда, прячась под платком и за очками: нельзя, чтобы кто-нибудь узнал меня там. От одной только мысли, что приходится посещать такие места, хотелось устроить погром или, наоборот, завернуться в мамино одеяло и не высовывать носа на улицу.

Я никогда ещё не посещала подобные заведения, и никто из моих знакомых тоже. Через два дня мне придётся возвращаться в школу девочкой, которая делает покупки в секонд-хенде. Как будто мало того, что мой отец сходит с ума, что я всё время рисую сумасшедшие наброски и живу в филармонии, как какое-то приبلудное животное.

И что моя мама ушла из семьи.

Глава 2

Сентябрь

Вот что я купила в благотворительном магазине на Кларк-стрит:

- 1) упаковку разноцветного картона для украшения наших уродливых серых стен;
- 2) суп, макароны, молоко, хлеб и пакет картошки;
- 3) две пары резиновых шлёпанцев для нас с нонни, чтобы ходить в душ в другую благотворительную организацию, расположенную в двух кварталах от филармонии (в Эмерсон-холле душа не было, только унитаза с ржавчиной под ободком);
- 4) для нонни: новый зелёный платок с золотистыми цве-

тами;

5) для школы: пару блокнотов на пружинке, папки, ручки, карандаши.

Я испытывала лёгкое чувство вины из-за того, что без особой необходимости купила нонни новый платок. У неё их было море, а лишние деньги я могла бы потратить на покупку более симпатичных блокнотов с рисунком на обложке. Но жизнь не баловала нонни событиями. Она меняла платки, спала, постоянно перечитывала три книги, поскольку других не имела, и раскладывала пасьянс «Солитёр» из колоды, в которой большая часть карт была утеряна и мне пришлось заменить их простыми картонными карточками. Кроме того, миниатюрная нонни в свете гудящих флюоресцентных ламп в коридорах Эмерсон-холла казалась ещё меньше, старше и морщинистей, чем раньше. Это меня пугало.

Подобное же чувство охватывало меня, когда я позволяла себе думать о том, куда уехала мама. Нашла ли она счастье или стала жалкой и одинокой, какой была бы нонни без меня?

Учебный год начинался во вторник. Накануне, в понедельник, после обеда я пошла в «Счастливый уголок», небольшое кафе через дорогу от филармонии.

С самого раннего детства мама водила меня туда, чтобы угостить кексом и соком, и после её ухода я продолжала навещать знакомое место. На улице оно выделялось ярко-жёлтыми стенами, ярко-оранжевыми дверями и синими лампами у входа, а над дверью затейливыми чёрными буквами было выведено название заведения. По сторонам располагались сапожная мастерская «У Антонио», заколоченная уже больше года, и обшарпанное серое многоквартирное здание. «Счастливый уголок» сиял на фоне этого окружения как солнце.

– Мистер Барски? – окликнула я, входя внутрь. Попугай Джеральд каркнул мне с жёрдочки в дальнем углу. Я помახала ему, и он поводил вверх-вниз головой, прыгая на одной ноге.

Мистер Барски поднял голову от прилавка:

– Ах, Оливия, *ma belle! Bonjour, ma petite belle!*³ Как твои дела в этот солнечный день?

Даже глупый фальшивый акцент мистера Барски не заставил меня улыбнуться. Дело в том, что раньше он был актёром. Карьера, как говорится, не сложилась, но он развлекал гостей тем, что имитировал акценты, пародируя разных людей. На сей раз он изображал француза Риккардо.

³ ...голубушка! Здравствуй, юная красавица! (*фр.*)

«Разве Риккардо не испанское имя?» – спросила я его однажды. Он наклонился ближе ко мне и поиграл бровями: «Риккардо – это загадка, Оливия».

– Привет, Риккардо, – поздоровалась я, забираясь на барный стул у стойки.

– Ах, что случилось, мадемуазель? – Мистер Барски перекинул полотенце через плечо и стал переставлять выпечку на витрине. – Когда у людей такая физиономия, я всегда говорю: «О-ля-ля! Вам просто необходима *une crepe!*⁴ Или *un biscuit chocolat!*⁵»

Миссис Барски вышла из кухни с большим дымящимся кувшином в руках. Она обычно носила очень длинные бусы в несколько рядов, которые постукивали во время ходьбы. Сегодня её шею украшали глянцевые, цвета морской волны. Серые волосы торчали в разные стороны, ногти были покрашены десятью разными цветами.

– Оливия! – воскликнула миссис Барски. – Рада тебя видеть. Давно не заглядывала. Что будешь пить? Малиновый чай? Сок манго?

– Вообще-то я ничего не могу взять. – Я заметила, что начала потеть, и огляделась. В кафе было ещё два посетителя – сидящие у окна парни, которые разговаривали о какой-то книге. – Вы не могли бы дать мне работу? Совсем ненадолго. – Я не собиралась ждать мятых двадцатидолларовых ку-

⁴ Блинчик (фр.).

⁵ Шоколадное печенье (фр.).

пюр от Маэстро. К тому же неизвестно, будет ли он и дальше проявлять столь неслыханную щедрость.

Супруги переглянулись и снова посмотрели на меня. Мистер Барски закрыл витрину с выпечкой.

– Тебе нужна работа? – спросила миссис Барски.

– Ну да. – Я прочистила горло, мечтая провалиться сквозь землю, чтобы никто никогда меня больше не увидел. – Видите ли, летом мы продали наш дом и переехали жить за сцену в филармонии. Всё, что у нас осталось, – наши чемоданы и обанкротившийся оркестр. Ну знаете, экономика и всё такое.

Я не очень представляла себе, что значит «экономика», но в последнее время все только о ней и говорили, и я поняла: она имеет отношение к тому, что ни у кого нет денег. Упоминая о ней, взрослые каждый раз мрачнели, словно услышали ужасную новость.

– Ах, Оливия, – произнесла миссис Барски грустным голосом с придыханием.

Я не могла поднять на неё глаза, а потому достала из сумки уголь, который ношу с собой повсюду, и начала калякать на салфетке.

– Просто, понимаете, мне нужно покупать продукты и принадлежности для школы. А Маэстро в этом не большой помощник. Я могу убирать со столов. – Я вонзила кончик угля в салфетку. – Мыть посуду, подметать. А может быть, даже печь печенье или что-то в этом роде.

Мистер Барски положил ладонь на мою руку, чтобы я прекратила черкать.

– Конечно, ты можешь у нас работать, Оливия, – произнёс он своим обычным голосом, тёплым и бархатным. – Мы будем рады помочь тебе. Как насчёт двадцати долларов в неделю? Приходи после школы.

Я откашлялась:

– Я могу только с понедельника по четверг. Когда начнётся сезон, по вечерам мне надо будет присутствовать на концертах. Нонни хочет, чтобы я их посещала.

– Хорошо, – сказала миссис Барски.

– И после школы я, наверное, смогу оставаться ненадолго. – Мой голос звучал всё тише и тише, пока наконец даже я сама не могла расслышать своих слов. – Ну понимаете, чтобы успеть сделать уроки, а ещё мне надо приготовить ужин и уложить нонни спать. К тому же мне нужно время для рисования. – Я не стеснялась говорить с владельцами кафе о рисовании. Раньше я приходила сюда специально для этого и садилась за зелёный столик в форме звезды в углу. Иногда мистер Барски, вальсируя между клиентами, ставил передо мной овсяное печенье с изюмом.

– Что, если полчаса после школы? – предложила миссис Барски. – Или сорок пять минут, если народу будет мало и тебе не зададут много уроков?

– Отлично, – прошептала я. – Спасибо.

Мистер Барски похлопал меня по руке, и Джеральд гарк-

нул: вошли новые посетители – студенты университета. Я выудила из сумки очки и надела их – может быть, так они не станут смотреть на меня.

– Возьми. – Миссис Барски перехватила меня по пути к выходу и, положив мне в ладонь двадцать долларов, сжала мою руку так, что купюра оказалась в кулаке. – Считай, что это премия за устройство на работу. Купи себе что-нибудь для подъёма духа, хорошо?

Я переступила с ноги на ногу. Если я сейчас же отсюда не уберусь, то разрыдаюсь, как жалкий ребёнок.

– Спасибо, миссис Барски, – быстро поблагодарила я и выбежала на улицу.

Единственный плюс жизни в концертном зале – это множество лестниц, скульптур и причудливых архитектурных элементов, которые можно рисовать с натуры, чтобы практиковаться.

Спрятав полученные от супругов Барски двадцать долларов в коробку с одеждой, под нижнее бельё, где никто не стал бы их искать, я направилась в вестибюль к большой лестнице.

це. Сегодня я планировала сделать эскизы ступеней, а это казалось непростой задачей, поскольку лестница была изогнутой.

Проходя по западному фойе, я заглянула в открытые двери зала.

На сцене копошилась группа людей, переговариваясь, расставляя пюпитры и задувая тёплый воздух в холодные металлические трубы инструментов.

Музыканты вернулись.

Летом оркестранты всегда были в отпуске, подобно футболистам, которые не играют весной. Некоторые коллективы выступали и в летние месяцы, но на особых мероприятиях, например на поп-концертах и детских представлениях.

У нас, однако, денег на это не было. Филармония на лето закрывалась, лишь иногда Маэстро приходил сюда покопаться в музыкальной библиотеке и «отдохнуть в тишине и спокойствии». Я не понимала, от чего именно он хотел отдохнуть, в нашем доме царил полная тишина с того самого утра, когда ушла мама, – тогда я проснулась и нашла Маэстро за кухонным столом: он сидел опустив голову на руки, а перед ним стояла чашка холодного кофе.

Обычно я подходила поздороваться с музыкантами – обнять Хильду Хайтауэр, позволить Ричарду Эшли взъерошить мне волосы, отчего в животе у меня всегда порхали бабочки, поскольку он ещё и улыбался мне.

Но не сегодня. Сегодня я осталась в тени. Если оркестран-

ты ещё не знают, что мы продали дом и переехали в филармонию, то скоро им станет это известно. А я не хочу, чтобы они смотрели на меня с сожалением, не хочу слушать их сочувственные слова или, ещё хуже, уверения, что всё образуется.

Тут я услышала голоса из другого конца фойе и скользнула за колонну у стены. Из-за угла появились Маэстро и Ричард Эшли.

– Маэстро, ты шутишь, – говорил Ричард с разгневанным видом. – Это неподходящее место для жизни двенадцатилетней девочки, не говоря уже о восьмидесятилетней старушке.

– Я ничего не мог поделать, – ответил Маэстро.

Некоторые музыканты на сцене застыли, услышав разговор на повышенных тонах. Маэстро хлопнул в ладоши:

– Что вы уставились? Начинаем в пять!

– Отто, – прошептал Ричард, – неужели всё действительно настолько плохо?

– Да. – Маэстро провёл руками по сальным чёрным волосам. – Если этот сезон пойдёт так же безуспешно, как предыдущий... я не знаю, что будет. Перспективы финансирования скверные. Пожертвования прекратились. Даже у наших постоянных спонсоров теперь нет денег. – Он сунул руки в карманы. – Нам нужен всего год, чтобы снова встать на ноги, и тогда дела пойдут на лад. В следующем году положение улучшится, и я снова перевезу Оливию и её бабушку в пригород. Нам нужно чуть-чуть времени.

– Ты правда думаешь, что в этом году что-то изменится? – спросил Ричард.

Маэстро, ничего не ответив, взглянул на него и зашагал к сцене.

Когда он ушёл, Ричард вздохнул. Я, видимо, пошевелилась, потому что он сощурился и заглянул за колонну.

– Оливия! – Он одарил меня блестящей улыбкой, которой мама всегда советовала мне остерегаться: Ричард – «типичный трубоч», а значит, ещё тот чаровник, что бы это ни значило. – Как ты провела лето?

Мне захотелось скукожиться и исчезнуть. Он явно волновался из-за того, что я слышала их с Маэстро разговор; голос у него звучал приветливо и слишком радостно. И почему мне не стояло спокойно?

– Ну так. Нормально. – Я крепко прижала к себе альбом. – Я много рисовала.

– Ничего другого я и не ожидал от моего любимого художника. Покажешь мне как-нибудь новые работы?

У меня вспыхнули щёки.

– Хорошо.

– Вот ведь как, Оливия. – На лице Ричарда появилось странное выражение. Он прочистил горло и оглянулся на сцену, где Хильда Хайтауэр полировала раструб своей валторны, а Михаил Орлов вынимал из футляра контрабас. Хильда помахала мне, я ответила тем же и, надеясь, что они не станут подходить ко мне, начала медленно пя-

титься. – Я просто хотел узнать, как ты, – сказал Ричард.

– Зачем?

– Твой папа рассказал нам, что случилось летом, – о продаже дома и о переезде.

В животе у меня что-то ёкнуло.

– А, ну да.

– Мне очень жаль это слышать, Оливия. – Ричард сжал мне руку. – Не знаю даже, что сказать. Папа говорит, ты теперь живёшь за сценой?

Услышать это было ещё мучительней, чем жить в филармонии, но я не собиралась плакать перед Ричардом Эшли.

– Всё правильно.

– Это совсем не правильно. У тебя есть родственники или друзья, у которых ты можешь временно пожить?

Я уже думала об этом.

– Нет. Вся семья Маэстро в Италии, кроме нонни. А мама... они с нами не общаются. Они никогда нас не любили, даже не хотели, чтобы мама вышла замуж за па... за Маэстро. А друзей у Маэстро нет. – Я стиснула пальцами края альбома. – Он не поддерживает отношений с людьми. Ему всё безразлично, кроме оркестра.

Ричард немного помолчал и обнял меня за плечи. Обычно от этого у меня теплело на душе, но теперь тоскливо засосало под ложечкой.

– Оливия, – сказал он, – я понимаю, что ты, наверное, сейчас нас ненавидишь, но ты нам не чужая. Ты же это знаешь,

правда? Весь оркестр готов тебе помочь, и папа с бабушкой тоже.

Это уж было слишком. Оркестр готов мне помочь? Да исключительно из-за оркестра всё и произошло.

Я сбросила его руки.

– Да, я знаю.

– Если тебе захочется поговорить, ты всегда можешь обратиться ко мне. Ладно? – Он поднял руку, чтобы стукнуться со мной кулаками, как мы всегда приветствовали друг друга. – *Capisce?*⁶

Я покачала головой и отвернулась.

– Ладно.

– Как? – Ричард приложил руку к сердцу. – Не будет тайного приветствия? Вы меня ранили, мадам.

– Нет. – Никаких тайных приветствий. Если он не прекратит этот разговор, я точно разрыдаюсь.

– Мы что-нибудь придумаем. Например, почему бы тебе иногда не переночевать у Хильды или у других девочек? Они будут тебе рады. Это как пижамная вечеринка. Можешь пригласить подруг.

– У меня нет подруг.

– Оливия. Что я могу сделать? Только скажи.

Он очень меня жалел – я слышала это в его голосе. Но мне от этого было не легче, я только чувствовала себя совсем крошечной.

⁶ Понимаешь? (*ит.*)

– Оставь меня в покое, – прошептала я. – Пожалуйста. – Я поспешила в вестибюль и поднялась по большой лестнице. На верхней ступеньке я упала на ковёр, протёртый до дыр, и отбросила альбом. – Пижамная вечеринка. – Я вытерла глаза. Маэстро тоже так говорил: «Это будет... как это называется? Пижамная вечеринка. Каждую ночь мы все за сценой. Это приключение, Оливия». Почему я не могу перестать всхлипывать? Хорошо хоть Ричард не видит меня здесь. – Приключение. Конечно. Увлекательное до жути.

Мне хотелось только поехать домой – в наш настоящий дом, с синей дверью, жёлтой кухней и скрипучей девятой ступенькой на лестнице, ведущей в мою комнату. И с мамой. Мама обязательно должна быть там, иначе никакой радости не будет.

Подумав о доме, я почувствовала дуновение студёного воздуха. Станный холодок задержался и пробрал меня до костей. Я задрожала и стала тереть руки, чтобы согреться. Я могла бы поклясться, что кто-то наблюдал за мной, – буквально кожей я ощущала чей-то взгляд. Но оглядевшись, увидела только знакомые пыльные портреты покойных музыкантов на стенах и выцветших ангелов на потолке.

И чёрного кота, который спокойно смотрел на меня, сидя на полу вестибюля.

Глава 3

Это был толстый чёрный кот с изогнутыми серыми усами и колтунами по всему телу. Он лениво махал хвостом.

Я сунула альбом в сумку и начала осторожно спускаться по лестнице.

– Эй, киса-киса. Иди сюда. – Внизу я протянула руку, присела и подождала. Одна из дверей филармонии была откры-

та. Наверное, я не закрыла её, возвращаясь из «Счастливого уголка». – Ты, значит, просто вошёл и устроился здесь, да? – спросила я у неожиданного гостя.

Кот дёрнул хвостом и коснулся головой кончиков моих пальцев.

– Знаешь, некоторые люди назвали бы твой поступок незаконным проникновением на чужую территорию.

Нарушитель удивлённо наблюдал, как я счищаю мусор с его шеи, словно сам не верил, что позволяет мне это.

– Какой же ты страшненький, – проговорила я, наклоняя голову, чтобы разглядеть его.

Кот сощурил ярко-зелёные глаза.

– И толстый.

Кот зевнул.

– Но твоя чёрная шерстка мне нравится. – Я стряхнула на лицо прядь волос. – Видишь? У меня тоже чёрные волосы. Ты маленькая тень, совсем как я. Так меня нонни называет, по-итальянски «омбралина».

Кот смотрел на меня так, словно говорил: «Занятно. Я хочу сказать, что ты меня утомляешь».

Я села на пятки.

– У тебя чудесная морда, котик. Очень выразительная.

«Хоть у кого-то из нас», – казалось, ответил он, дёрнув левым ухом. Потом улёгся на живот и стал смотреть на меня из-под полуприкрытых век.

Я тоже растянулась на полу, наблюдая за ним:

– У тебя есть дом, котик?

Животное стало вылизывать лапу. Полагаю, это значило: «Вообще-то нет. Брожу тут и там. По большей части нигде не обретаюсь».

– Да? Я тоже. Ну, в принципе, мой дом здесь. В филармонии. А это всё равно что нигде, поскольку концертный зал домом не считается.

«Почему?» – поинтересовался бы кот, умеи он говорить. Он бы сидел вот так же, слушал меня и задавал бы правильные вопросы. А произношение у него наверняка было бы похоже на манеру Кэри Гранта – странные интонации с британским акцентом. Маме бы он понравился.

– Потому что я его ненавижу, – прошептала я. – Маэстро обещал, что это будет приключение, но ничего подобного. Это как тюрьма. Жить здесь стыдно и отвратительно.

Кот перекатился на спину и стал смотреть на меня.

– Хочешь спросить, кто это Маэстро? – Я тоже легла на спину. Поворачивать голову к нему в таком положении было неудобно, но меня это забавляло. – Ну, формально он носитель половины моих генов. Но я не хочу об этом думать.

Кот медленно моргал, словно уже засыпал.

– Ну, я имею в виду, что он мой отец. – Я нарисовала в воздухе вопросительный знак. – По документам. Но не для меня. Можно сказать, что я от него отреклась. – Я помолчала, постукивая одной ступнёй о другую. – Знаешь, в школе все думают, что я чокнутая. Я теперь странно одеваюсь и всё

время рисую, вместо того чтобы общаться с одноклассниками. Наверное, разговаривая с котом, я подтверждаю их подозрения. – Я вздохнула. – Даже не знаю, что хуже – разговаривать с котом или с самой собой. – Я прижала кота к груди. – Ух ты. Ну ты и толстяк.

Кот сощурился. Наверняка он просто хотел спать, но я восприняла это как ответ «Ты не очень вежливая хозяйка».

– Но мы останемся друзьями, правда?

Уши у него задёргались. «Друзьями? Ты слишком самоуверенная».

Я почесала его под подбородком.

Кот вытянул шею и закрыл глаза. «Продолжай, и, может быть, у нас что-нибудь получится».

Я прыснула:

– А ты умеешь быть милым.

– Прикольно, – раздался голос сверху. – Ты нашла кота.

Я села и подняла голову: рыжие волосы, лицо всё в веснушках, дурацкие уши торчком.

Генри Пейдж.

Принесла нелёгкая.

Пару лет назад родители Генри стали водить его на концерты, и в конце концов он упросил их устроить его билетёром – работа на неполный день, платили гроши, но, глядя, как Генри увлёкся, можно было подумать, что это рай на земле. Сейчас он был одним из двух последних билетёров. Все остальные давным-давно уволились, кроме ходячего мертвеца Арчи, которому было уже девяносто с хвостиком.

В школе Генри учился в одной параллели со мной. Он играл в бейсбол и бегал кросс. Оценки у него были блестящие, поскольку он много занимался, но каким-то образом ему удавалось быть популярным среди других учеников, хотя, на мой взгляд, хорошая успеваемость и популярность у сверстников никогда не совпадают. У Генри это, однако, получалось, потому что он был безупречен во всех отношениях – настолько, что мне пришлось составить список «Причины, почему я не люблю Генри Пейджа»: я держала его в своём альбоме и заглядывала туда, когда ловила себя на мысли, что Генри не так уж и плох.

Портили его только бесчисленные веснушки и торчащие уши. В прошлом феврале многие стали подходить ко мне в школе, говоря: «Сочувствую тебе из-за мамы, Оливия», «Вот ведь несчастье, Оливия» или «А почему она ушла?». Кто-то растрезвонил об этом, а мне вовсе не хотелось, чтобы всем стали известны мои семейные секреты. Болтуном, скорее всего, был Генри, который постоянно слонялся по фи-

лармонии и совал нос в чужие дела. Поэтому я нарисовала его в виде слона с торчащими во все стороны рыжими волосами, усыпанным веснушками хоботом и свисающими до пола ушами, подписала «Пейдж – длинный нос» и приклеила к школьному шкафчику.

Из-за этого все перестали спрашивать меня о маме и начали неприятно на меня коситься, а потом и вовсе полностью игнорировать.

Видите ли, тот рисунок никак не мог навредить Генри, хотя это был самый лучший слон в моём исполнении. Генри Пейджа все в школе любили.

Все, кроме меня.

– Где ты его нашла? – спросил Генри, наклоняясь, чтобы погладить кота.

Тот заурчал. Предатель.

– Не твоё дело. – Я положила кота на плечо и зашагала за сцену. Из-за дверей зала доносились звуки настраиваемых инструментов.

– Я слышал, как твой отец разговаривал с Ричардом. – Надоедливый мальчишка шёл за мной по пятам.

– Отстань, Генри.

– Вы что, переехали сюда жить? Кошмар. Как ты это перенесла?

– Отвяжись, Генри.

Но он не сдавался:

– Я очень тебе сочувствую, Оливия. Я не... я знаю, что

мы с тобой не дружим – но не хочешь ли ты пойти поесть мороженого или вроде того? Мне только что выдали деньги на карманные расходы.

Я остановилась так внезапно, что Генри чуть не врезался в меня. Мы находились в западном фойе, у потрескавшейся чаши давно не работающего фонтана с фигурой скрипача.

– Слушай, Генри, уймись, а? Хватит подслушивать и совать нос в чужие дела. Да и вообще, тебе-то что? Разве ты не должен меня ненавидеть?

– С чего бы мне тебя ненавидеть?

Я закатила глаза.

– Ты не помнишь? Рисунок?

– Ах да, слон. – Он пожал плечами. – Я на тебя не держу зла. Я понимаю, почему ты это сделала: ты считаешь, что это я рассказал всем о твоей маме.

Я отступила назад.

– Что? Откуда ты знаешь?

– Просто предположил.

– Ты же в курсе, что предположения могут оказаться неверными?

Генри нетерпеливо вздохнул.

– Кстати сказать, я никому ничего не говорил. Не знаю, кто это был, но всё равно любой факт рано или поздно становится известным. У многих есть проблемы в семьях.

– Правда? Да что ты знаешь о семейных проблемах, мистер Совершенство?

Генри очень странно посмотрел на меня, но ответить не успел: оркестр начал играть Четвёртую симфонию Чайковского – валторны и трубы грянули так, словно настал конец света. И поскольку я дочь дирижёра, в голове у меня автоматически прозвучало: тема рока.

Рок – независимая от человека сила, по воле которой совершаются трагические события; синоним – фатум. Если что-то происходит по воле рока, ты можешь только по мере сил справляться с последствиями.

Кот зашипел на что-то у меня за спиной. От этого звука – и внезапного холодка, который я ощутила, – по спине у меня побежали мурашки.

Позади меня загремела и задрожала тяжёлая металлическая дверь, ведущая в подвал, словно кто-то находящийся с другой стороны пытался её выломать.

Глава 4

– Странно. Кеплер всегда запирает подвал, – прошептал Генри.

Кеплер был уборщиком, и Генри сказал правду: эта дверь всегда заперта. Старик помешан на безопасности. «Не хочу, чтобы там шурувало какое-нибудь хулиганье», – ворчал он, словно хранящийся в подвале старый хлам мог чем-то привлечь воров.

Но сейчас там явно кто-то был. Неравномерные шаги поднимались по ступеням подвала. Тёмные змейки выползали из-за двери, по сторонам, снизу. Длинные, тонкие, прозрачные.

Похожие на пальцы.

Кот выпустил когти, вырвался из моих рук и, дико завыв, сиганул прочь.

Дверь подвала распахнулась и ударилась о стену. Дохнувший изнутри ледяной холод чуть не сдул нас с места. Второй порыв студёного ветра, дунув со спины, толкнул меня в руку, а Генри в ногу, и мы упали. Я ударилась головой о пол, клацнув зубами. Посмотрев вверх, я успела заметить длинную тонкую чёрную тень, сливающуюся с мраком подвального спуска.

Она зависла на пороге и обрела более чёткие формы. Это была не обычная тень. Она выглядела тяжёлой, плотной, ощутимой и напоминала искажённый силуэт человека с очень вытянутой шеей и длинными конечностями, легко меняющий свои очертания.

– Оливия! – Генри потянул меня за рукав.

– Не делай резких движений, – предупредила я его, не отрывая глаз от тёмной фигуры. Больше всего мне хотелось зарисовать её. Но сначала нужно было выбраться отсюда живой, а от силуэта исходила нехорошая, зловещая энергия. – Отходи медленно.

– Нет, Оливия, посмотри.

Я обернулась и увидела серого человека.

Он стоял позади нас, вернее парил. Едва заметные ноги, казалось, могли развеяться от простого чиха. На месте лица мерцали клубы серого дыма, меняющие форму, выросший вдруг длинный нос сразу же исчез. Вместо глаз были чёрные вихрящиеся отверстия размером с блюдце. Беззубая распакнутая пасть величиной с тарелку напоминала бездонную дыру.

Я хотела закричать, но только открыла рот. Всё происходило как в ночном кошмаре.

И становилось всё ужаснее.

Серый человек в мгновение ока подлетел к нам и, дёрнувшись вперёд, как кадр в старом фильме с плохой плёнкой, прошёл прямо сквозь нас.

Это невероятно, но я почувствовала, как он просачивается сквозь меня, как морозный ветер, пробираясь под кожу, в кровь, до костей. У меня перехватило дыхание.

Я потянулась к Генри, и он тоже уцепился за меня, как утопающий за соломинку.

А серый силуэт был не один.

К нему присоединились ещё несколько дымчатых фигур, если точнее, то три. Когда каждая из них пронеслась сквозь нас – словно мы были ничто, словно они были ничто, – я чуть не потеряла сознание от холода, пронизавшего всё моё тело.

Мы с Генри, спотыкаясь, двинулись с места, стараясь убежать, пока не осознали, что призраки толкают нас в сторону

подвала, к тёмной тени с заострёнными чёрными пальцами. Когда мы приблизились, она отскочила и вдруг издала пронзительный вопль.

– Что это? – Генри закрыл руками уши.

Я не могла ответить и наблюдала, как тень быстро удаляется, словно бежит, по ступеням подвала. Её ужасный крик я, казалось, ощущала всем телом до кончиков ногтей, и меня трясло мелкой дрожью.

Дверь подвала захлопнулась.

Воцарилась тишина, слышна была только музыка оркестра.

Тень пропала.

Четыре серые фигуры сразу же метнулись в стороны, как испуганные кролики, – одна взлетела к потолку, две прошли сквозь стены, а силуэт, появившийся первым, провалился сквозь пол. Исчезая, он в последнее мгновение подмигнул мне.

Мы с Генри, подталкивая друг друга, бросились бежать со всех ног и, вылетев на улицу, скатились по серым ступеням на Арлингтон-авеню и чуть не попали под такси.

Резкий гудок остановил нас. От порыва ветра из-за пролетевшей мимо машины по спине у меня побежали мурашки. Внезапно мы оказались на солнце среди небоскрёбов. От пряного запаха, исходящего от стоявшего неподалёку фургона с едой, у меня заслезились глаза.

– Жить надоело? – крикнул водитель такси в открытое ок-

но.

Генри упёрся руками в колени, стараясь отдышаться.

– Что это было?

Я провела пальцами по рукам. На плече обнаружили царапины от кошачьих когтей, а ниже я ощутила какую-то шероховатость и, повернув руку, увидела чёрное пятно.

В том месте, где кожи коснулся холодный ветер, уронив меня на пол, сияла на солнце неровная чёрная отметина. Она была похожа на ожог, тёмный, как та тень из подвала.

– Что за... – Генри изучал такое же пятно на икре правой ноги. – Оливия, что это такое?

Я ткнула в пятно пальцем. Оно зашипело, кончик пальца почувствовал ледяной холод, а кожа на ощупь оказалась шершавой.

– Оливия! – Генри вопросительно смотрел на меня.

Мне не понравилось выражение его глаз. Я узнала его. Прошлой весной несколько смельчаков, в основном новенькие, иногда подходили ко мне в кафетерии, глядя на меня точно так же и, наверное, думая: «Может, с этой девочкой получится подружиться?» Обычно с моей стороны хватало одного только взгляда, чтобы они исчезли навсегда.

В конце концов, у теней друзей нет.

Особенно среди таких безупречных типов, как Генри Пейдж.

Я вся подбиралась и опускала шторы, ограждая себя от солнечного света, – так я объясняла себе своё поведение, ко-

гда ожесточалась, приобретала твёрдый взгляд и принимала неприступную позу, чтобы меня оставили в покое.

– Не понимаю, о чём ты, – сказала я Генри.

– Ты что, смеёшься? Мы же только что видели...

Я пожала плечами:

– Я ничего не видела. – И одна вернулась в филармонию.

Генри не пошёл за мной. Возможно, он был слишком напуган, чтобы входить в здание.

Но это правда: мы видели что-то странное. До конца дня я подсознательно барабанила пальцами по ожогу. Прикасаться к нему было больно, но рука так и тянулась туда, как бывает, когда всё время раскачиваешь шатающийся зуб, хотя это и неприятно.

Какое-то непонятное явление оставило отметины у меня на руке и на ноге у Генри. А что-то ещё спасло нас от того, что находится за дверью подвала.

Я не знала, что всё это значит, но, пока я зарисовывала увиденное, мне не терпелось это выяснить. Голова шла кругом от воспоминаний о призрачных пальцах и распахнутых чёрных ртах.

Что же это было? Что мы видели?

В мозгу у меня шёпотом повторялось одно и то же слово, которое могло стать объяснением.

Привидения.

Глава 5

В ту ночь я почти не спала. Наутро нужно было идти в школу, и я не знала, что пугает меня больше – школа или привидения.

Каждый раз, когда за приоткрытой дверью в мою комнату что-то шуршало или нонни крутилась в кровати, я вскакивала и прислушивалась. Перед глазами так и стояли призрачные пальцы, выползающие из-под двери подвала. Всю ночь я не могла избавиться от ощущения, что серые мглистые фигуры проходят сквозь меня. Я дрожала и всё время думала о маме – что бы она сказала на это, чем бы утешила меня.

Да ещё я всё время неосознанно тыкала пальцем в пятно на руке.

Через некоторое время я устала ворочаться в постели и,

сделав глубокий вдох, направилась на кухню и при флуоресцентном свете осмотрела пятно.

Да, оно снова блестело, как будто в мою кожу вросли миллионы бриллиантов.

– Как красиво, – прошептала я. – Невероятно.

– Оливия?

Я подпрыгнула, ударившись пальцем ноги об угол шкафчика.

На пороге стоял Маэстро и тёр глаза.

– Чего тебе? – спросила я.

– Что ты здесь делаешь ночью?

– Ничего. – Я спрятала руку за спину. – Пришла попить.

– Тебе... – Он кашлянул и провёл рукой по волосам. –

Тебе приснился дурной сон?

– Вся моя жизнь – дурной сон. – И я промчалась мимо него в свою комнату.

Он за мной не пошёл.

Я вытащила из-под кровати зонтик и засунула его под одеяло. Если привидения явятся за мной, он вряд ли поможет, но так мне было спокойнее. Я крепко сжала его в руке, стараясь поверить, что он меня защищает.

Иногда, чтобы пережить тяжёлые времена, приходится обманывать себя.

Проснувшись на следующий день, я обнаружила, что кот вернулся.

Он умывался, взгромоздившись на металлическую перекладину в ногах моей кровати с удивительной для такого толстяка грацией. Я смотрела на него, боясь пошевелиться, чтобы он снова не исчез. Сердце стучало после ночных кошмаров с серыми фигурами, чёрными тенями и душераздирающими криками.

После снов о привидениях.

«Не думай, будто это что-то значит, – сказала мне скучающее выражение кошачьей морды. – Я навещаю тебя исключительно из любопытства, девочка. Тут нет никакой романтики».

– Не уходи. – Я очень осторожно протянула к нему руки. – Остайся со мной, странный котик. Пожалуйста.

Кот подёрнул усами. «Разумеется, я никуда не уйду. С чего бы мне тогда приходиться? – Он утоптал себе место и улёгся, моргая мне. – Вот дурочка».

Я улыбнулась.

– Какое чудное имя – Странный Котик, – раздался из дру-

ного конца комнаты голос нонни. Она села в кровати, раскачиваясь, словно кто-то специально для неё играл вальс. – Его так зовут? *Gatto*⁷, *gatto*.

– Надень платок, нонни. – Мне не нравилось смотреть на её лысую голову.

– Какой?

– Жёлтый в синий горошек.

– О, я его люблю, Оливия!

– Я знаю.

– Так что же, Омбралина, его так и зовут – Странный Кот?

Собравшись в туалет, я обулась. Я всегда ходила в потёртых чёрных ботинках в армейском стиле, а сантехнике в этом здании доверять было нельзя.

– Вряд ли. Он действительно странный, но эта кличка ему не подходит.

– Игорьь.

– Что?

Нонни улыбнулась мне, и её глаза почти утонули в морщинах.

– Назовём его Игорьь.

– Почему?

– Как Стравинского!

Я скорчила рожицу.

– Не буду я называть его в честь композитора, нонни.

Она сцепила руки под подбородком.

⁷ Кот (*ит.*).

– Обожаю Стравинского! *Molte bene!*⁸ – И нонни начала напевать соло для трубы из балета «Петрушка».

Я нахмурилась. Трудно было спорить с нонни, когда она выглядела такой счастливой. К тому же Стравинский – не худший вариант. Он писал своеобразную и тревожную музыку. Интересно, не был ли он в детстве «маленькой тенью»?

– Ладно. – Я вздохнула. – Раз ты так хочешь...

Кот прыгнул с кровати и ткнулся головой мне в ботинок. «Ну что? Пойдём вместе проверять сантехнику или как?»

– Игорь, Игорь! – воскликнула нонни, вскидывая руки.

Итак, кота звали Игорь.

На уроки я пошла одна, с каждым шагом всё больше чувствуя тошноту.

В школу я не всегда ходила как на каторгу. Раньше это было просто место учёбы, с домашними заданиями, беготнёй на переменах и передачей записок в классе. Я украшала свои послания подружкам аккуратными рисунками и складывала

⁸ Прекрасно! (*ит.*)

в виде разных фигурок, как научила меня мама. Однажды мистер Фитч перехватил мою записку и попросил зайти к нему после уроков.

«Если я ещё раз поймаю тебя за этим занятием, Оливия, будешь наказана, – пригрозил он. – Нужно внимательно слушать на уроках и писать конспект. Шестой класс – очень важный учебный год. Ты понимаешь это?»

Послушать учителей, так каждый год исключительно важен. Через некоторое время это становится утомительным. «Да, понимаю. Извините», – ответила я.

Мистер Фитч вздохнул и стал вертеть в руках мою записку, сложенную в виде лебедя. Она была сплошь разрисована завитушками, звёздами и деревьями. «Однако это очень красиво, Оливия. – Учитель отдал мне лебедя и улыбнулся. – Тебе нужно серьёзно заниматься рисованием. Обязательно».

Но теперь, после маминого ухода, я стала тенью, и в школе это ощущалось сильнее, чем в любом другом месте.

Меня просто никто не понимал, и это вполне меня устраивало. Собственно, я даже за это боролась. Мне было стыдно, что мама ушла, даже не попрощавшись, и я сделала всё возможное, чтобы стать невидимкой. Словно я вовсе не я, а всего лишь моё изображение с зашитым нитками ртом и смазанными чертами лица. Я сама создала этот образ. Не позволяла себе выплёскивать бурлящие внутри чувства, выбалтывать по случайности позорные семейные секреты, впадать

в истерику. Мне ужасно хотелось закинуть голову к небу и испустить дикий крик, но люди обычно не одобряют такого поведения, будь оно хоть сто раз оправданно.

Я даже выглядела как тень: маленькая щуплая полуитальянка с длинными чёрными волосами, в одежде блёклых цветов (все яркие вещи я выбросила, оставив только тёмное и чёрное), купленной в секонд-хенде, в своих любимых полосатых носках (которые надевала ко всему подряд) и ботинках (аналогично). Потёртая старая куртка. Волосы падают на глаза. Всегда уткнувшийся в альбом для рисования нос.

А теперь ещё моя рука обёрнута одним из платков нонни, чтобы скрыть ожог.

Раньше у меня были подруги. Думаю, не настоящие – просто девочки, сидящие с тобой в столовой за обедом, к которым ходишь на вечеринки с ночёвкой или которым передаёшь записки на уроках.

Но подруги не останутся надолго, если с ними не разговаривать. Даже приятельницы. Первое время некоторые пытались наладить отношения: «Привет, Оливия. Как ты решила задачи из контрольной?», «Оливия, можешь нарисовать мне татушку на руке?», «Оливия, как дела? Я слышала про твою маму».

Сначала я хоть и односложно, но отвечала им, а потом перестала. Совсем.

Вскоре я уже сидела за обедом одна. И в классе тоже была одна, даже в окружении двадцати других учеников. Я везде

была сама по себе. Так легче.

Мой альбом стал мне лучшим другом, и, сворачивая с Гейбл-стрит во двор школы, я крепко прижимала его к себе. Как щит.

Несколько дней всё шло как ожидалось. Я ходила в школу. Уроки. Обед. Завидев ярко-рыжие волосы Генри, я тут же поворачивала и шла другой дорогой. Не поднимала головы от тетрадей и делала заметки, чтобы учителя ничего не заподозрили. После школы шла в «Счастливый уголок» и убирала со столов, мыла посуду. А всё остальное время рисовала.

В основном привидений.

Каждую ночь я искала их повсюду: в туалетах, в комнатах за сценой, под рядами кресел в зале.

Ничего. Ни призрачных пальцев, ни серых конечностей.

В памяти моей остались довольно туманные представления о призраках, и я рисовала их снова и снова, стараясь зафиксировать их образ на листах бумаги. Это не очень-то помогало: точно отобразить в рисунке прозрачное парящее существо сложнее, чем может показаться. И мне всё никак не

удавалось сделать достаточно чёрными их глаза.

Но, чем бы ни был этот мираж, тёмное мерцающее пятно на руке не проходило.

Генри не пытался заговорить со мной целую неделю, хотя я чувствовала, что он всё время наблюдает за мной своим задумчивым взглядом, словно я задача из домашней работы и он пытается вычислить ответ. Маэстро и сотрудники филармонии позволяли ему находиться в здании, даже когда он не работал. Он устраивался в середине зрительного зала, как на своём диване, и решал задачки по алгебре.

Ботаник.

В четверг на второй неделе учёбы Марк Эверетт, видимо, решил, что хватит мне наслаждаться одиночеством, и начал орать мне через всю столовую. Он был одним из тех, кто не следует пословице «не буди лихо, пока оно тихо», и любил приставать к людям.

– Эй, что за дела, Оливия? – Он сидел через несколько столиков от меня, там же, где Генри. – Почему ты такая кислая? О чём тоскуешь?

Мальчики за его столом засмеялись – все, кроме Генри, который продолжал жевать сэндвич. Все головы в столовой повернулись посмотреть, что происходит.

– Собралась на похороны, Оливия? Чего это ты всё время в чёрном, Хмуроливия? Дошло? – И Марк заржал как жеребец.

Я начала рисовать. Есть расхотелось.

Напротив меня что-то зашуршало. Это была Джоан Досон. Мы вместе ходили в детский сад, а потом в начальную школу, но никогда толком не общались. Я знала только, что Джоан из богатой семьи и что она любит делать плакаты и устраивать на школьном дворе одиночные пикеты против войны или против фашизма. Учителя называли её акселераткой, а когда думали, что никто не слышит, нахальной девицей.

Как и я, Джоан обычно была сама по себе, но её это не беспокоило. Я тоже пыталась не придавать этому значения, но порой на меня накатывало и сжимало сердце ужасное одиночество.

– Не слушай ты их, – сказала Джоан и отбросила назад блестящие каштановые волосы, как делают женщины в кинофильмах. Джоан, наверное, могла бы быть популярной, если бы такие вещи её заботили. – Они просто плебеи.

Я нахмурилась.

– А что это значит?

Вот мистер Генри Безупречный наверняка знает значение этого слова.

– Неотёсанные вульгарные людишки. – Джоан фыркнула. – В любом случае не обращай на них внимания, ладно? Ты выше этого. Ты художник.

– Без разницы. – Я вернулась к своим рисункам.

Джоан молча ела салат.

Это был самый длинный разговор, который состоялся у

меня в школе за всю неделю.

Глава 6

Вечером перед первым концертом в сезоне я, как обычно, пробралась на западную служебную лестницу. Тяжёлая железная дверь на верхней площадке вела к чёрному металлическому мостику над сценой, который тянулся от одного её конца до другого.

Не то чтобы мне нравилось слушать оркестр или смотреть,

как Маэстро размахивает руками, – просто на мостике я любила прятаться, наблюдать за людьми и рисовать. Сверху было видно всё: зал и ярусы, проходы, выходы, хоры, орган, потолок со щербатой штукатуркой, паутину между балками.

Поручни по краям мостика защищали от падения. Барьеры из перекрещенных железных прутьев преграждали доступ на опасные участки.

Для Игоря воротца препятствием не были; он проскальзывал куда хотел, всё время довольно урча. «Я мог бы ходить тут с закрытыми глазами», – как будто говорил он.

– Я в этом и не сомневаюсь, хвостун.

Через несколько минут на мостик поднялись работники сцены Ларри и Эд. Мне они нравились: держались независимо и никогда не задавали много вопросов. Если они и знали, где я теперь жила, то никак этого не показывали.

– Пришла посмотреть концерт, Оливия? – поинтересовался Ларри.

– Ну да. – Я положила подбородок на альбом и прижалась лицом к перилам.

В зал начала стекаться публика. Большинство слушателей были в повседневной одежде, но некоторые завзятые театралы пришли в вечерних нарядах, мехах и драгоценностях, которые сверкали, как звёзды, и слепили меня.

Вообще народу было не очень много. Отчасти меня это радовало: я знала, что полупустой зал заденет Маэстро за живое. Но где-то в глубине души притаился страх и даже какая-то тоска. Я подумала о нонни, крошечной и хрупкой, с тонкими, как у птички, ногами. Она так любит концерты. Я усадила её в репетиционном зале около телевизионного монитора, где показывали всё происходящее на сцене.

А вдруг с нонни что-нибудь случится? Вдруг она заболит?

Глядя на пустые кресла, я пожевала губу. Как бы мне ни хотелось насолить Маэстро, нам нужна большая аудитория.

Нам нужны деньги.

Музыканты постепенно стали стягиваться на сцену. После недельных репетиций они не разговаривали друг с другом, не перебрасывались шутками и даже как будто боялись громко настраивать инструменты – казалось, кто-то с помощью гигантского пульта выключил звук.

Я наблюдала, как в бельэтаже рассаживаются дамы в мехах, перешёптываясь за раскрытыми программками. По городу наверняка уже расползлись слухи, что концертов в этом году будет меньше, что оркестр испытывает финансовые трудности и, по сути, идёт ко дну, а маэстро Стеллателла жи-

вёт в филармонии за сценой.

Вероятно, большинство зрителей пришли сегодня из чистого любопытства. Так бывает, когда видишь автомобильную аварию: ты испытываешь чувство вины из-за того, что глазеешь на чужое несчастье, но всё равно не можешь заставить себя уйти.

Когда вышел Маэстро и оркестр встал поприветствовать его, я почти не услышала аплодисментов из зала. Потом музыканты сели, заскрипев стульями и пюпитрами.

Быстро оглядев оркестрантов, я увидела в заднем ряду песочно-русую шевелюру Ричарда Эшли. В этот миг он совсем не выглядел красавцем – уши красные, весь потный. Мне захотелось спрятать его от глаз публики.

Маэстро вскинул руки, и концерт начался.

Обычно я надевала наушники и слушала свою, по выражению нонни, «злую музыку», рисуя в альбоме, но сегодня я караулила привидений. В первый раз я увидела их во время репетиции оркестра. Возможно, они появятся и во время концерта.

При одной только мысли о призраках пятно на руке стало сильно жечь, словно оно проголодалось, словно готово было выскочить из моей кожи.

Сначала прозвучала «Франческа да Римини» Чайковского. Это произведение для оркестра пришлось как нельзя кстати: оно вдохновлено рассказом об аде и о призраках, ко-

которые живут там и не могут покинуть это место⁹.

В антракте я угостила Ларри и Эда сэндвичами с арахисовым маслом и джемом. Когда началась вторая часть концерта, рабочие на какое-то время оставили меня, и я воспользовалась этим, чтобы пройтись по мостику туда-сюда, стараясь не потревожить занавес.

Я бродила взад-вперёд, пока мои икры не заныли от хождения на цыпочках, а глаза не заболели от необходимости прищуриваться. Но мне ничего не удалось обнаружить – ни привидений, ни каких-то особых теней.

С досадой я снова уселась на мостик, глядя на блестящую чёрную голову Маэстро внизу.

Я надеялась, он никогда не узнает, что во время каждого концерта я нахожусь здесь. Он-то полагал, будто я сижу в первом ряду, восхищаясь его дирижёрским мастерством. Думал, я поддерживаю его.

Размечтался.

Когда трубы на сцене грянули музыкальное вступление, кто-то постучал меня по плечу.

Я резко обернулась, едва сдержав крик.

– Привет, – сказал Генри, помахав мне рукой.

Игорь спрыгнул с перил. «Похоже, тебя обнаружили».

Я проткнула лист бумаги своим самым острым углем.

– Тебе сюда нельзя, Генри.

⁹ Симфоническая поэма «Франческа да Римини» основана на одном из сюжетов «Божественной комедии» Данте (из части «Ад», песнь 5-я).

Игорь зевнул. «Тебе вообще-то тоже».

– Я гуляю где хочу.

Игорь лениво отмахнулся от мухи. «Справедливо. Я тоже всегда придерживался такой жизненной философии».

– Ты разговариваешь с котом? – спросил Генри.

– Нет, дурачок, я разговариваю с тобой. Что ты здесь делаешь?

Генри вынул из кармана брюк пару защитных очков и надел их.

– Я пришёл помочь тебе. Те привидения... или что это было... с тех пор я совершенно выбит из колеи. Не могу сосредоточиться ни на учёбе, ни на бейсболе. Если я не выясню, что это за явление, то просто свихнусь. Понимаешь?

Я с удивлением уставилась на него. В этих очках в сочетании с униформой билетёра он выглядел нелепо.

– Помочь мне? В чём именно?

– Охотиться на привидений. Ты ведь поэтому здесь притаилась, правда? – Генри посмотрел вниз и быстро отвернулся. – С ума сойти как высоко.

Игорь снова зевнул. «Какой шустрый. Но, увы, с ужасающим вкусом в одежде».

– Привидений? – переспросила я. Я не собиралась охотиться на привидений в компании Генри. – О чём ты говоришь?

– О прошлой неделе, когда мы увидели непонятных призрачных существ и получили ожоги.

– Ерунда какая-то. – Я повернулась к своему альбому и притворилась, что рисую. – У тебя, наверное, были галлюцинации.

– Ну конечно. А чёрное пятно у меня на ноге, вероятно, простой синяк?

– Зачем тебе, кстати, эти очки?

– Для защиты. – Генри постучал по толстой пластиковой линзе. – Привидения наверняка довольно непредсказуемы. А эти странные тени... – Генри поёжился. – Что бы это ни было, я уверен, что они ещё опаснее.

Закипая от злости, я сунула альбом в сумку и ринулась к выходу с мостика. Дойдя до железной лестницы, я опустилась на одну из ступенек и стала разглядывать чёрную решётку под ногами.

Неторопливо подошёл Игорь. «А знаешь, в припадке гнева ты очень мила».

– Это не припадок. Я просто хочу, чтобы он ушёл и оставил меня в покое.

Игорь потёрся о мою ногу. «Ну а по мне, так это чистой воды припадок».

– Я не слабоумная и понимаю, что видела привидений. Ну, я так думаю. Просто Генри... Он мне не друг.

Игорь начал вылизывать лапу. «А почему? Если не считать дурацких очков, он выглядит очень достойно».

– Не хочу, чтобы он видел... – Я не могла подобрать слов. – Где я живу. Как я живу.

Игорь презрительно отрыгнул комочек шерсти. «Он же не идиот. Он здесь работает. Ему уже известно, что ты живёшь за сценой, и про твою маму он знает, но не смеётся над этим. Так в чём же дело?»

Я обернулась. Генри сидел посередине мостика, сдвинув очки на лоб. Заметив, что я смотрю на него, он помахал мне.

– Ну ладно. – Я на цыпочках пошла к нему. Внизу оркестр заиграл вторую часть. – Генри, если я поохочусь вместе с тобой на привидений или что бы это ни было, ты оставишь меня в покое?

Генри встал, широко улыбаясь.

– Не сомневайся.

– Я серьёзно. Запомни: мы не друзья.

Генри отсалютовал.

– Чисто деловые отношения.

– Я не шучу. Тебе не удастся разузнать что-нибудь о чокнутой Оливии, чтобы поржать на этот счёт в школе с Марком Эвереттом и его миньонами¹⁰. Это понятно?

Генри удивлённо поднял брови:

– Миньонами?

– Ну, это вроде злых слуг.

– Я в курсе, что это значит. В отличие от кое-кого, я три года подряд вишу на доске почёта.

Я вспыхнула.

¹⁰ Миньон – любимчик, приспешник. Так называли фаворитов французских королей.

– Купи себе медаль, мистер заносчивый умник. Можем продолжить поиски?

– На самом деле у Марка нет никаких миньонов. Мы давно дружим.

– Есть. Я же вижу.

Генри вздохнул и снова надел очки. Окружённые музыкой, мы стали молча осматривать помещение. Время от времени, когда кто-то из оркестрантов не попадал в ноты или вступал не вовремя, Генри морщился.

Я себе такого не позволяла, стараясь не думать о том, какое смущение испытывают Ричард, и Хильда, и Михаил. Вместо этого я сосредоточилась на Маэстро. Уши у него заметно покраснели, а внутри он наверняка сгорал со стыда.

Мы с Генри обыскали все лестницы. Прокрались в гри-мёрку и заглянули за диваны с протёртой обивкой в цветочек. Сунули носы даже в аппаратную, где Фрэн записывала концерт. Она не очень нам обрадовалась, но всё равно вручила каждому по мятной конфете. Когда мы вернулись за сцену и подошли к репетиционному залу, я встала между Генри и дверью и подтолкнула его:

– Всё, поиски закончены. Теперь выполняй свою часть сделки: уходи.

Генри сдвинул очки на лоб.

– Но мы ещё не смотрели в кулуарах.

– Тебе нечего там делать. Это частная территория.

– Я постоянно хожу в репетиционный зал, – нахмури-

шись, ответил он.

– Это незаконное проникновение. – Игорь потёрся о мой ботинок, и я позволила ему прыгнуть мне на руки. – Я могу сообщить в полицию, и тебя арестуют.

Игорь взглянул на меня. «Вот был бы номер».

Генри с сердитым видом собирался что-то сказать, но не успел произнести ни слова: дверь репетиционного зала распахнулась, и оттуда с разлетающимися фалдами фрака вылетел Роджер Фернандес, один из скрипачей.

– Ты свихнулся, старик! – крикнул он кому-то через плечо. Даже не взглянув на нас, он размашистым жестом толкнул дверь, ведущую к выходу, и исчез в глубине парковки.

Мы с Генри изумлённо смотрели ему вслед.

– Похоже, пока мы искали, концерт закончился, – прошептал Генри.

А, это хорошо. Музыканты кричат на Маэстро и даже уходят от него. Такое зрелище я не могла пропустить.

– Пойдём, – позвала я, кивнув на дверь.

Мы вошли в репетиционный зал, и я тут же пожалела об этом.

Глава 7

Маэстро стоял посередине зала, глядя в потолок, а музыканты молча смотрели на него.

Я отыскала Ричарда Эшли – он отошёл к своему шкафчику. Генри самым раздражающим образом шёл за мной по пятам.

– Ричард, – прошептала я, – что случилось?

Ричард приложил палец к губам и покачал головой, но

другой рукой обнял меня за плечи.

– Не знаю, что сказать, – в конце концов произнёс Маэстро. – Это... – Он засмеялся, но вовсе не весёлым смехом. – Друзья, это катастрофа.

Я взглянула на Ричарда и впервые заметила, что он выглядит очень усталым, лицо избороздили морщины, фрак выцвел.

Вдруг Маэстро схватил ближайший складной стул и швырнул его о стену.

Все вздрогнули. Ричард задвинул меня и Генри себе за спину, по-прежнему крепко держа меня за плечо. Игорь тихо зашипел.

Стул задел старую подвеску с китайскими колокольчиками, и она упала на пол. Звон продолжался целую вечность.

Маэстро повернулся ко всем спиной, приложил руки к стене и прижался к ней головой.

Я попыталась унять панику, скрутившую мне живот, но ничего не вышло. Бедного Игоря я, должно быть, сжала так, что он чуть дышал.

Наконец Маэстро снял с пояса рацию.

– Джереми, подойди за сцену, пожалуйста.

– Сию минуту, сэр, – слышался сопровождаемый треском голос Джереми.

Я закрыла глаза и на мгновение – короткое, ужасное, прекрасное – представила, что на плечах у меня лежит рука не Ричарда Эшли, а мамы.

Подобные приступы ярости начались у Маэстро непосредственно перед тем, как испортилась экономика и всё изменилось. Тогда мама стала мастерить для меня шатёр из простыней и вырезать звёзды из бумаги, которую приносила с работы. Когда домик был готов, а звёзды наклеены, мы с ней лежали под простынным небом, она обнимала меня, целовала в макушку и рассказывала сказку. Я засыпала, чувствуя, как она нежно гладит меня по спине, и слыша доносившуюся снизу музыку Маэстро.

– Я не хотел говорить вам это, – произнёс Маэстро, обводя взглядом музыкантов одного за другим. – Всё откладывал, чтобы не расстраивать вас. Но вы играете как школьный оркестр. Мне что, нужно вам напоминать, что вам платят за эту работу? Вы же профессионалы.

В зал вошёл кассир Джереми с обрывком бумаги в руках:

– Слушаю, сэр.

Маэстро нетерпеливо повёл рукой:

– Скажи им, сколько сегодня пришло зрителей. Скажи.

Джереми замялся. Мистер Рю, антрепренёр оркестра, приблизился к нему из-за спины и притаился в тени коридора, ведущего на сцену, сложив руки на груди и наблюдая за происходящим. Мистер Рю был начальником и старым другом Маэстро; он фактически руководил оркестром – решал, на что отпускать средства, нанимал и увольнял музыкантов. Обычно после концертов мистер Рю надолго задерживался в филармонии, занимаясь, как это называла мама,

«крупным подхалимажем», – то есть заискивал перед богатыми людьми, чтобы они дали денег на оркестр.

Увидев мистера Рю, я испугалась. Почему сегодня он не убалтывает потенциальных спонсоров? Это плохой знак.

Маэстро стукнул кулаком о стену.

– Скажи им, Джереми.

– Ладно... У меня тут записано. – Джереми потерял в руках листок. – Сегодня в зале присутствовали четыреста двадцать три человека.

– Сколько, Джереми?

– Четыреста двадцать три.

Стоявший рядом со мной Генри бессильно оперся о составленные один на другой стулья. Ричард Эшли тяжело опустился на скамью перед нами. Мне захотелось сбежать.

– И какова же выручка за вечер? – Маэстро помолчал. – Сколько денег мы заработали, Джереми?

– Двадцать одну тысячу восемь долларов.

Сумма могла показаться немалой, но из неё нужно было заплатить больше чем ста музыкантам и другим сотрудникам концертного зала и выделить средства на содержание здания, а значит, выходило, что это чистые гроши.

Несколько музыкантов выругались. Одна кларнетистка заплакала.

Мистер Рю вышел из тени, его лысая голова лоснилась. Даже его фрак выглядел помятым.

– В чём дело, дамы и господа? Что сегодня с вами случи-

лось?

Все молчали.

– Я знаю, что это трудно, в условиях нынешней экономики вы уже получаете урезанную зарплату. И при нынешнем состоянии зала... – Мистер Рю показал рукой на потолок. – Я и сам не захотел бы выступать в подобных условиях. Но если продажа билетов не вырастет, причём существенно, к концу сезона... не знаю, что будет. Возможно, придётся распустить оркестр и прикрыть лавочку.

Маэстро вылетел из зала. Звук захлопнувшейся за ним двери пробрал меня до костей. В помещении долго никто не шевелился.

Мистер Рю потёр лоб, грустно наморщив брови:

– Извините, что принёс плохие вести. Меня они тоже не радуют.

Ричард Эшли сжал мне плечо. Я взглянула на него и внезапно почувствовала облегчение. Ричард всегда, в любой ситуации знал, что сказать и что сделать. «Это часть его очарования», – говорила мама и закатывала глаза.

– Ричард, он же не всерьёз, правда? – спросила я.

– Увы, Оливия. – Он отвернулся, словно не мог больше смотреть на меня. – Думаю, что всерьёз.

Когда все стали разъезжаться, мистер Рю нашёл меня и похлопал по руке:

– Всё как-нибудь наладится, Оливия. Верь мне. Верь своему отцу. Хорошо?

У меня перехватило горло, и я не смогла выговорить то, что хотела ответить: «С чего бы мне верить Маэстро? Он разрушил нашу семью».

Перед тем как сесть в машину к Ричарду, чтобы тот отвёз его домой, Генри сунул мне в руки сложенную записку. Там говорилось: «Это ещё не конец. Звучит жутковато, но я имею в виду, что сегодня мы привидений не нашли, но найдём обязательно. Увидимся в школе».

Я сложила его послание и сунула под подушку. Долгое время я лежала, глядя в потолок и размышляя. Игорь устроился рядом со мной. Из другого конца комнаты доносилось слабое хрипловатое сопение нонни. Я тихонько подошла, накрыла её своим одеялом и подоткнула его, чтобы ей было теплее. С тех пор как мы с Генри видели призраков, воздух всё чаще дышал холодом. Что это значит, я не знала, но догадывалась, что ничего хорошего.

Когда я снова легла в постель, решение уже было принято: я отыщу призраков, даже если для этого придётся объединить усилия с Безупречным Генри Пейджем. В конце кон-

цов, две головы лучше, а мне необходимо их найти. Может, я и не в состоянии исправить всё в своей жизни – оркестр, наверное, действительно ужасен, мы с каждым днём всё больше нищаем, мама ушла, школа напоминает гадюшник, – но эта задача мне по силам: найти призраков я смогу.

Если я сумею понять, что означает их появление, если смогу решить эту загадку, то справлюсь и со всем остальным.

Если поставить на место этот кусочек пазла, возможно, удастся разложить по местам и остальные и каким-то образом вернуть себе нормальную жизнь.

Глава 8

В следующий понедельник в школе случилось невообразимое: Генри Пейдж сел со мной во время обеда.

Был обычный день. Я сидела, думая о своём и набрасывая в альбоме фигуры призраков. Джоан села напротив меня. В последнее время она часто так делала.

– Что рисуешь?

Я взглянула на неё сквозь упавшую на глаза чёлку. Даже если бы я и хотела поговорить с ней, то не знала, как ей объяснить свои эскизы.

Джоан спокойно жевала сэндвич.

– Когда ты сидишь так, то выглядишь жутковато, как та девочка из японского фильма ужасов.

– Спасибо. Мне нравится выглядеть страшновато.

– Заметно, – задумчиво произнесла Джоан. – Ты прилагаешь к этому много усилий.

– И что ты хочешь этим сказать?

И тут на стул рядом со мной опустился Генри.

Я почти ощутила, как все в столовой задержали дыхание.

Генри Пейдж – звезда бейсбола, лучший бегун в школе, популярный ученик – сел рядом с Оливией Стеллателлой – бездомной девочкой, дочерью сумасшедшего дирижёра, художницы, оставшейся без матери.

– Привет, – поздоровался Генри.

Я пожала плечами:

– Привет.

Генри открыл первый из трёх пакетов молока, стоявших на его подносе. В столовой все выдохнули и снова заговорили. Интересно, кто-нибудь шептался о чём-то другом, кроме нас?

– Привет, Джоан, – сказал Генри.

Джоан так и сидела с открытым ртом.

Генри молча стал есть. Джоан наконец тоже продолжила жевать. Я ниже склонилась над своими рисунками, чтобы Генри не смог их разглядеть.

– Над чем работаешь? – поинтересовался он.

За спиной Джоан прошли мимо со своими подносами Марк Эверетт и Ник Уэбер, ещё один мальчик, всегда сидевший за столом вместе с Генри. Ник, казалось, был потрясён, словно увидел инопланетянина. Марк же явно разозлился.

Я махнула рукой и улыбнулась Генри.

Он удивлённо поднял брови.

– Я спросил, что ты рисуешь.

– Ничего.

– Это один из них, да? – Генри вытянул шею, чтобы увидеть рисунок.

Я захлопнула альбом.

– Один из кого?

Генри бросил взгляд на Джоан.

– Ну... ты же знаешь, о чём я.

Джоан придвинулась ближе.

– А что такое? Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – ответила я. – Мне нужно в туалет, так что, если не возражаете, я вас покину. – Я встала из-за стола и, проходя мимо, незаметно для Джоан уронила на колени Генри клочок бумаги. В животе у меня при этом всё подпрыгнуло, но явно не из-за Генри, кто бы что ни думал. Просто приятно и весело иметь секрет и соблюдать конспирацию.

В записке говорилось:

«Я хочу войти в контакт с привидениями. По-настоящему. Найти мы их не можем, а значит, нужно их заманить. И я знаю, кто нам в этом поможет. У меня есть план. После уроков встречаемся на школьном дворе у неработающего фонтана.

Р. С. Только не воображай, что мы стали друзьями».

Моё общение с Генри, охота на привидений – я удивлялась такому повороту событий и не хотела, чтобы он стал моим другом. Но партнёрами, вероятно, мы можем быть. Как сказал Генри, «чисто деловые отношения». Это мне подходит.

После уроков Генри нашёл меня у фонтана. Я наблюдала, как Джоан с плакатом в руках ходила кругами по двору и выкрикивала что-то о продажных банкирах.

– Привет, – окликнул меня Генри. – Ну и в чём же состоит твоя блестящая идея?

К этому времени меня уже распирало, но я постаралась говорить с ним спокойно, как партнёр с партнёром:

– Я теперь после школы работаю в «Счастливом уголке».

– Правда? Я не знал.

– Наверное, это потому, что я не посвящаю тебя во все подробности своей жизни.

Генри нахмурился.

– Слушай, если собираешься хамить, то я просто пойду домой. Много задали.

– Это важнее, чем домашнее задание. – Я помолчала, но, увидев обиженное выражение его лица, вздохнула. – Ладно-ладно, извини. Хамить не буду. Обещаю.

– Ха. Можно подумать.

На удивление, меня сильно задела уверенность Генри, что я не способна разговаривать без грубостей.

– Ну, постараюсь.

– Ладно. Ну так что там «Счастливый уголок»?

– Ты же знаешь супругов Барски?

Генри кивнул:

– Конечно.

– Они чудаки, правда? Ну нет, они мне очень нравятся, но они продают в своём заведении всякую оккультную чепуху. Какие-то кристаллы, благовония, книги о том, как расшифровать свои сны. И похоже, они на самом деле во всё это верят. Вот я и подумала...

Мимо нас, нарочно громко разговаривая, чтобы мы их услышали, прошли две девочки.

– По-твоему, у них свидание? – спросила одна.

– Да нет, – практически выкрикнула другая. – Смеёшься?

Генри Пейдж с ней?

Генри напыжился от гордости, а я, оттолкнув его с дороги, направилась прямо к девочкам.

– Почему это со мной нельзя встречаться? Потому что я чокнутая? – Я дико замахала руками и высунула язык. – Уга-вуга-буга!

Девочки в ужасе шарахнулись в сторону.

– Шизанутая! – воскликнули они. – Отщепенка!

И они удалились, бросая на меня через плечо ошарашенные взгляды.

Мы с Генри молча вышли со школьного двора. Когда подошли к Арлингтон-авеню, начался дождь.

– Ты без плаща? – через минуту спросил Генри.

– У нас на такие вещи нет денег, – не приветливо ответила я.

– Хочешь, дам тебе свой?

– Ни за что.

– А как же благотворительный магазин на Кларк-стрит?

Там ты, наверное, сможешь что-нибудь подобрать.

– А ты сходи в уценёнку, где отовариваются нищие, и посмотри, как будешь себя чувствовать, а потом поговорим.

– Я иногда туда наведываюсь, – тихо произнёс Генри.

– Ой.

Тут мне пришло в голову, как мало я всё-таки знаю о Генри Пейдже. Почему он покупает вещи в дешёвом магазине? Это как-то связано с пресловутой Экономикой? И почему он стал работать билетёром? Может, не из любви к музыке, а из-за недостатка денег? Я не поднимала глаз от тротуара – мне вдруг стало неловко смотреть на Генри. Хотелось задать все интересующие меня вопросы, но я бы нипочём этого не сделала. Партнёры не суят нос в личную жизнь друг друга.

– А знаешь, ты вовсе не такая, – через несколько минут

сказал Генри.

– Не какая?

– Как они говорят. Отщепенка. Шизанутая. Это неправда.

Я не знала, что ответить. Вероятно, следовало сказать: «Спасибо», но я не могла выдавить из себя ни слова и просто переставляла ноги, сосредоточившись на том, как выглядят ботинки на фоне мокрого асфальта.

– Честное слово? – спросила я немного погодя.

– Ты о чём?

– Можешь дать честное слово, что я не шизанутая?

– Конечно, Оливия. – Он улыбнулся. – Честное слово.

Я опять не знала, что нужно делать, и поэтому пожала ему руку. Крепко, по-партнёрски.

Когда мы пришли в «Счастливый уголок», хозяйева были заняты с клиентами, и мы с Генри начали изучать полки. Они ломились от кукол вуду и пластмассовых черепов, фигурок драконов и курильниц для благовоний с изображениями китайских тигров, подсвечников с розовыми звёздами и солонками и перечницами в форме толстых пингвинчиков.

Наконец мистер Барски пробрался к нам.

– Оливия, драгоценное моё дитя! Какое безмерное счастье снова тебя лицезреть! – А, значит, сегодня он лорд Уинтроп, англичанин. – И друга с собой привела! – Он сильно потряс Генри руку. – Не изволит ли ваше сиятельство откушать чаю?

– Мистер Барски, это Генри Пейдж. Мы вместе учимся в школе, а ещё он работает билетёром в филармонии.

– А, сэр Пейдж, весьма польщён знакомством с вами.

Генри был заинтригован.

– Я тоже, мистер Барски.

– Итак, мистер Барски, – сказала я, – прежде чем я начну работу, у меня есть вопрос к вам и к миссис Барски. Это очень важно.

Хозяин кафе низко поклонился:

– Я сейчас же позову свою дражайшую супругу. Матушка Барски!

Миссис Барски вышла из кухни; на шее у неё были зелёные бусы в несколько рядов.

– Дэвид, предупреждаю первый и последний раз: не называй меня так.

– Хорошо, моя ненаглядная. Но не будете ли вы так любезны выслушать важный вопрос от Оливии?

– Здравствуй, Оливия. – Хозяйка улыбнулась. – А это кто?

– Генри Пейдж, мэм. – Генри протянул руку. – Счастлив познакомиться.

– Генри работает билетёром в филармонии, – добавил мистер Барски.

– О, это прекрасно. Ты тоже музыкант?

Генри просиял.

– Нет, мэм. Но я энтузиаст. Знаете, как говорят: музыка – один из китов, на которых стоит...

– Так вот, я хотела спросить, – перебила я. Не стану же я слушать лекцию Генри о том, как прекрасна музыка и какие блага она приносит. – Как я уже сказала, это важно... Видите ли... – Я сделала глубокий вдох. – Мы с Генри ищем способ войти в контакт с привидениями.

Супруги Барски удивлённо уставились на меня, переглянулись и снова повернули головы ко мне.

– С привидениями? – повторил мистер Барски.

– Да. Мы видели их в концертном зале...

Миссис Барски оперлась о прилавок и вытерла внезапно вспотевший лоб. Стоящий рядом со мной Генри стал неловко переминаться с ноги на ногу.

– ...но они уже несколько дней не попадались нам на глаза, и мы подумали... – Я умолкла.

Супруги Барски выглядели так, словно... ну да, словно сами увидели призрака. Особенно испуганной казалась миссис Барски. Муж обнял её одной рукой.

Тут встрял Генри:

– Оливия подумала, раз вы продаёте такие вещи...

– Да, все эти свечи, и курильницы, и странные куклы ву-

ду... – подхватила я.

– ...то, может, знаете, как привлечь привидений, или дадите нам какие-нибудь советы...

Мистер Барски прочистил горло.

– Вы действительно видели призраков?

– Да, – кивнула я. – По крайней мере, мы так думаем. Один был высокий и тонкий, а другие...

– Не надо нам их описывать, – прошептала миссис Барски. – Мы не хотим этого знать.

Я ожидала совсем другой реакции.

– Почему?

Миссис Барски некоторое время задумчиво смотрела на меня.

– Слушай внимательно, Оливия. Контакт с привидениями – дело нешуточное. Это не забава и не игра. Если вторгнуться в загробный мир, могут произойти непредсказуемые, страшные события.

По коже у меня побежали мурашки. Ожог начал пульсировать, словно кто-то его потревожил.

Генри переспросил:

– В загробный мир?

Я тоже обратила внимание на эти слова, и в голове у меня пронеслись идеи сотни эскизов.

– Вам что-нибудь об этом известно? О загробном мире? Как он выглядит? Кто может туда попасть? Где...

Миссис Барски покачала головой, зажала рот рукой и ис-

чезла на кухне.

Её супруг с трагическим выражением лица положил мне в ладонь деньги за неделю работы.

– Лучше иди домой, Оливия.

– А что с миссис Барски? – поинтересовался Генри.

– Ничего страшного, просто она... – хозяин кафе помолчал, подбирая слова, – слишком много видела в жизни и много знает. Некоторые люди сталкиваются со странными событиями. Понимаешь?

Я ничего не понимала, но мистер Барски фактически выставил нас на улицу и закрыл дверь. Мы с Генри молча стояли у перехода в ожидании зелёного сигнала светофора. Ни один из нас не знал, что сказать, и, вероятно, мысли Генри, так же как и мои, были слишком заняты образами потустороннего мира. Какая уж тут беседа.

Как может выглядеть потусторонний мир?

1) Длинная извилистая ледяная река, по которой медленно плывут души.

2) Куда ни глянь, во всех направлениях одни только вечные звёзды.

3) Рай (облака, ангелы, золотые ворота).

4) Ад (огонь, сера, черти).

5) Ничто.

Глава 9

«Как войти в контакт с привидениями: идеи».

Я откинулась на спинку стула и уставилась на лист бумаги. Миссис Фаррити, учительница английского, говорила о какой-то книге, которую я не читала; предполагалось, что ученики должны конспектировать её речь. Но как я могла что-то записывать, когда голова забита мыслями о призраках, поту-

стороннем мире и испуганном лице миссис Барски?

Генри меня избегал. Наверное, ужас миссис Барски перед привидениями передался и ему. Не скрою, меня тоже не на шутку напугали предостережения хозяйки кафе – но не до такой степени, чтобы я отказалась от задуманного. Наоборот, это даже подстегнуло мой интерес: я стояла на пороге приключения и имела возможность сосредоточиться на раздумьях, не связанных ни со школой, ни с отсутствием денег, ни с мамой. Генри же вернулся к своей прежней компании в столовой и даже пару раз, заведя меня в филармонию, повернулся и пошёл другим путём.

Но мне было всё равно. Пускай Генри Пейдж сидит со своими обожателями, если ему так хочется. Я даже чувствовала облегчение из-за возможности избавиться от компании этого отличника в дурацких очках.

Если ни Генри, ни супруги Барски не желают помочь мне в поисках привидений, значит, придётся найти призраков самой.

В окна стучал дождь. Небо было чёрным. Скоро октябрь.

Я перебрала в уме всё, что знала о призраках, и это оказались не особенно полезные сведения, но на память пришло кое-что из прочитанных книг и известных мне фильмов ужасов.

«Написать что-то задом наперёд на запотевшем зеркале в ванной», – отметила я на листе бумаги, и это показалось мне поэтичным.

«Войти в тёмную ванную, закрыть дверь, посмотреть в зеркало. Произнести три раза подряд „Кровавая Мэри“». Это я запомнила с тех пор, когда была маленькой и у нас на ночь оставались мои подруги.

«Посетить кладбище. Посидеть на могиле.

Обратиться за советом к гадалке.

Посетить похоронное бюро? Побеседовать с гробовщиком.

Доска для спиритических сеансов?

Ложная клиническая смерть».

Я устала на последнюю строчку. Если близко подойти к смерти – а значит, к тому, чтобы стать призраком, – может, заговорить с обитателями потустороннего мира будет легче? Это соображение показалось мне не лишённым смысла, но я не знала, какой из способов оказаться на краю гибели более эффективный, поэтому сделала рядом пометку «Изучить истории о клинической смерти. Выяснить, в каких из них упоминается встреча с призраками».

Внезапно кто-то вырвал листок из-под моей руки.

– «Как войти в контакт с привидениями»? – издевательски произнёс голос Марка Эверетта. Это он схватил мой список. – Кладбище, спиритическая доска, клиническая смерть? – Он засмеялся. – Только посмотрите! Сначала эти дикие рисунки, теперь она говорит о привидениях! – Марк помахал листком в воздухе.

Я поискала глазами миссис Фаррити, но её не было. В

классе остались только ученики. Некоторые встали или наклонились вперёд, чтобы рассмотреть написанное, другие хихикали и перешёптывались. Я не знала, что делать, и просто сидела, уставившись в парту и чувствуя, как одежда становится мне тесна.

Сидевшая с другой стороны от меня Джоан Доусон вскочила с места и попыталась выхватить у Марка листок:

– Отдай!

Марк отпрыгнул и заулюлюкал так громко и отвратительно, что я не выдержала – сорвалась со стула и, завизжав что было сил, бросилась прямо на него.

Все отпрыгнули назад. Марк споткнулся и шлёпнулся задом на пол. Все кинулись в стороны от меня, опрокидывая столы и стулья, несколько девочек пронзительно заверещали.

Дверь распахнулась, и миссис Фаррити гаркнула:

– Что здесь происходит? Стоило мне выйти всего на минуту, и вы как с цепи сорвались!

Класс накрыла тишина. Учительница процокала к Марку и забрала у него из рук листок.

Я села на своё место и снова уставилась в парту. Волосы упали мне на глаза, закрыв половину лица.

– Оливия, – тихо начала миссис Фаррити, – что это такое?

– Не ругайте её, миссис Фаррити, – вмешалась Джоан. Голос её звучал так, словно она сейчас вспыхнет. – Оливия не сделала ничего плохого. Это Марк отобрал у неё листок бу-

маги, просто подошёл и вырвал из рук!

– Успокойся, Джоан. – Миссис Фаррити присела около моей парты. – Оливия! Посмотри на меня, пожалуйста.

Я подняла глаза. Миссис Фаррити сильно хмурилась:

– Оливия, это очень серьёзно.

– Ясно. – Я пожалела, что не надела сегодня джемпер с длинными рукавами, – намотанный на руку платок съехал вниз, почти полностью открыв злополучное пятно. Миссис Фаррити взглянула на повязку и нахмурилась ещё сильнее:

– У тебя дома всё хорошо, Оливия?

– Да.

– Почему ты толкнула Марка? Почему так кричала?

Я ничего не ответила. Если я открою рот, то могу нарваться на ещё большие неприятности.

Миссис Фаррити вздохнула.

– Пойдём в кабинет директора Купера. – Она крепко взяла меня за руку. – Марк, с тобой я поговорю позже. И не думайте, что вам удастся выкинуть что-то подобное снова. Я пришлю мистера Хоторна из соседнего кабинета наблюдать за вами. Все меня слышали?

– Да, мэм.

– Миссис Фаррити! – Джоан даже топнула ножкой. – Это совершеннейшая несправедливость! Оливия только защищалась. У неё есть такое право.

– Хорошо, Джоан, пойдём с нами.

– Ладно. – Джоан сухо обняла меня за плечи. – Я пойду и

буду её защитником. Я свидетель и знаю правду.

В приёмной директора миссис Фаррити шепнула что-то мисс Реншоу – блондинке с пушистыми волосами. Когда учительница отвернулась, секретарша потихоньку сунула нам с Джоан по кусочку шоколадки. Миссис Фаррити заполнила какие-то бумаги и ушла, а мисс Реншоу отвела нас в кабинет директора Купера.

Мы сели напротив него на жёсткие чёрные пластиковые стулья, и директор задержал на нас с Джоан взгляд. Не знаю, как Джоан, но я уставилась в потолок, чтобы не смотреть на него. Мне нечего было сказать директору Куперу. Я ничего плохого не сделала.

– Итак, – начал он, – расскажите, что случилось.

– Господин директор, меня зовут Джоан Доусон, – торопливо заговорила моя одноклассница, – и я была свидетелем происшедшего. Я пришла дать показания от лица обвиняемой.

– Мисс Доусон, – директор Купер потёр лоб, и у меня возникло подозрение, что он не в первый раз слышит такие слова от Джоан. – Позвольте сначала высказаться мисс Стеллателле.

Джоан прочистила горло.

– Я, Джоан Элизабет Доусон, торжественно клянусь...

– Довольно, мисс Доусон. – Директор вызвал мисс Реншоу и попросил отвести Джоан в другую комнату.

– Не позволяй ему давить на тебя, Оливия, – прошептала

Джоан, развернувшись у двери. – Ты невиновна!

Когда она ушла, директор, устало прищурившись, посмотрел на меня. В последнее время все были усталыми. Ричард Эшли, мистер Рю, даже я. Я хотела к маме, хотела вернуться домой – туда, где мы жили раньше, где мама смотрела, как я рисую, словно это было самое удивительное занятие на свете. Я скучала по счастливым временам, когда Маэстро ещё ужинал с нами и сажал меня к себе на колени, пока изучал партитуру, – до того, как всё пошло кувырком.

«Это в какой тональности, Оливия?» – спрашивал он. Четыре диеза. Проще простого. «Ми-мажор!» – отвечала я.

Директор Купер откашлялся.

– Как дела дома, мисс Стеллателла?

Я уставилась в стол.

– Хорошо.

– Уверены?

Я открыла рот, потом закрыла и открыла снова. А что говорить? Откуда мне было знать, что ему известно? Не могла же я признаться, что живу в Эмерсон-холле за сценой, где плохой водопровод, что нонни совсем ослабела, а Ричард Эшли устал! Не могла рассказать директору о привидениях или показать ему свой ожог. Что он скажет? Что подумает? Более того, что он сделает? Наверняка существует закон, запрещающий детям жить в концертном зале.

И я промолчала.

– Я знаю про филармонию, – добрым тоном произнёс ди-

ректор Купер. – И про неудачи оркестра. Тебе сейчас, наверное, трудно.

– Всё хорошо, – повторила я. – Мы справимся.

После долгого молчания директор Купер сказал что-то про психолога и про письмо домой, но я уже не слушала.

До конца уроков мне позволили остаться в медкабинете, как объяснил директор, чтобы за мной понаблюдать. Когда медсестра размотала платок на моей руке, заинтересовавшись, что под ним, то не нашла ничего: пятно исчезло. Она задавала мне вопросы о том, как я питаюсь, и ещё о чём-то, но я была слишком потрясена и не могла думать. После того как меня оставили в покое, я снова размотала платок.

Ничего. Ожога как не бывало. Я пыталась найти какое-то объяснение, но ничего не придумала, кроме одного: всё это было не по-настоящему. Нам действительно привиделись призраки, мне и Генри, – кажется, это называется массовый психоз. Никаких пятен никогда не существовало.

Но когда после школы я пришла в «Счастливый уголок», то проверила снова, на всякий случай.

Пятно вернулось, его чернота медленно впитывалась мне в руку. Возможно, оно появляется только вблизи концертного зала, а когда я ухожу подальше, почему-то исчезает.

Как бы то ни было, я обрадовалась. Я не могла смириться с мыслью, что всё увиденное мной – просто галлюцинация. Мне не терпелось найти этих призраков, а пятно было как-то с ними связано.

В ту ночь мне снился потусторонний мир. Он был чёрный и мерцающий, как пятно у меня на руке. Я попала в него через арку из комет, и Игорь шёл рядом со мной.

Глава 10

Октябрь

Только в середине октября события наконец стали стремительно развиваться.

В среду, тринадцатого числа, я проснулась, стуча зубами от холода, словно спала в морозилке. Из рта у меня вырвались облачка пара, у Игоря и нонни тоже. Прыгая на стужённом бетонном полу, я быстро оделась.

– Проклятые сквозняки, – пробормотала я. – Как будто мы живём в какой-нибудь Арктике.

Нонни, закутавшись в одеяла, счастливым взглядом наблюдала за мной со своей кровати.

– Ты последнее время много ворчишь, Омбралина. *Scontroso*¹¹.

– Да, нонни, так всегда бывает, когда девочку переселяют из уютного дома в морозильник.

Нонни цокнула языком.

– Сейчас здесь не так уж и плохо.

В комнате действительно потеплело, и пара от дыхания уже не было видно. Я взглянула на Игоря.

– Странно, да?

Он поднял голову с мятых простыней и посмотрел на меня. «Когда ты перестанешь болтать и я снова смогу подремать?»

– Но ты раздражена не только сегодня, – сказала нонни, завязывая платком глаза. – Ты теперь вообще стала какая-то чужая, рассеянная.

Я почувствовала укол вины. Действительно, я никого и ничего не замечала и думала только о призраках. После работы часами рисовала призраков и совсем не уделяла внимания нонни.

Бабушка выглянула из-под своего платка:

– Вчера ты пропустила игру в карты.

¹¹ Грубая (*ит.*).

– Знаю. Извини. Просто... – Я вздохнула и села рядом с Нонни. – Что бы ты ответила, если бы... – Я взглянула на Игоря в поисках поддержки, но он уже похрапывал. – ...Если бы я сказала тебе, что видела призраков и хочу найти способ поговорить с ними?

Нонни распахнула глаза.

– *Il fantasma. Lo spettro!*¹²

Я похлопала её по руке.

– Тише, тише. Ничего страшного. Я не хотела тебя напугать.

– Нет-нет! – Нонни, широко улыбаясь, покачала головой. – Я однажды видела *lo spettro*, когда была девочкой, в старой стране. О, я была красивой, Омбралина! Носила кружевные платки. Все говорили про меня: «Просто заглядень!»

– Не сомневаюсь, Нонни.

– Тогда было много праздников, очень много. И на одном из них... – Нонни подняла указательный палец, – была такая игра. Мы сели в кружок, зажгли свечи и заговорили с *il spettro*. Он был пират, *capitano*¹³. – Нонни снова заулыбалась и оперлась спиной о стену. – Ему понравился мой платок, и он сказал мне об этом.

Меня прошиб озноб.

– Нонни! – Я осторожно взяла её за плечи. – Ты говоришь,

¹² Привидение. Призрак! (*ит.*)

¹³ Капитан (*ит.*).

вы сели в кружок и зажгли свечи? И тогда стали общаться с призраками?

Нонни с мечтательным взглядом кивнула.

– Я думаю, *il capitano* влюбился в меня.

– Нонни!

Она отмахнулась:

– Омбралина, это была *la seduta. La spiritica*¹⁴.

Спиритический сеанс – общение с призраками.

– Нонни, это же то, что я ищу! – воскликнула я. Вскочив, я быстро натянула ботинки и схватила с кровати куртку. Никогда в жизни я ещё не мчалась в школу с таким нетерпением. – Вот что нам нужно. Вот как мы войдём в контакт с привидениями!

В тот день в столовой я подошла к Генри и похлопала его по плечу.

– Что тебе надо, психопатка? – рявкнул Ник Уэбер.

Все засмеялись, кроме Марка Эверетта, который сосредото-

¹⁴ Сеанс. Спиритический (*ит.*).

точенно жевал и не поднимал глаз. Видимо, он сильно перепугался, когда я накинулась на него в ярости. От этой мысли я улыбнулась.

– Пытаюсь решить, какое проклятие наслать на тебя, – ответила я. – Никак не могу выбрать.

Ник вспыхнул:

– Заткнись.

– Осторожнее, не шути со мной. – Я поводила пальцем. – Генри, можно с тобой поговорить?

Генри смотрел на меня спокойно, как с доски почёта.

– Конечно.

– Генри, – зашипел Макс, но мой партнёр не обратил на него внимания. Когда мы дошли до моего обычного стола в углу, Генри сел рядом со мной, словно ничто не изменилось, и открыл пакет молока.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Нужно провести спиритический сеанс.

Генри покачал головой:

– Здорово. У меня всё хорошо, Оливия. Спасибо, что поинтересовалась. А у тебя?

Я прищурилась.

– У меня тоже. Теперь я могу продолжить?

– Давай.

– Как я уже сказала, нам нужно провести спиритический сеанс. Я много думала... – «пока ты избегал меня», добавила я про себя, – и пришла к выводу, что это единственный

способ войти в контакт с призраками.

– Почему?

Я поколебалась.

– Так сказала нонни.

Генри удивлённо вскинул брови:

– Оливия, не обижайся, но... ты доверяешь словам восьмидесятилетней бабушки?

– Что с того, что она старая? Какое это имеет значение?

Спиритический сеанс не выдумка. С его помощью действительно можно поговорить с душами умерших. Посмотри в Интернете, если хочешь. Генри, так мы выясним, где они прячутся!

– Ну, не знаю...

– Спиритический сеанс? – Откуда ни возьмись на стуле напротив нас появилась Джоан. – Скажите мне, что я не ослышалась: вы общаетесь с потусторонним миром?

Мы с Генри переглянулись.

– С чего ты взяла? – спросил Генри.

Джоан практически вибрировала.

– Я тоже хочу участвовать! Я обожаю сеансы и даже проводила их пару раз. Ну, вообще-то мы занимались глупостями во время вечеринок с ночёвкой, но, уверяю вас, больше меня об этом не знает никто. – Она переводила взгляд с меня на Генри и обратно. – Пожалуйста! Сколько желающих вы уже набрали?

– Да в принципе, нас только двое, – ответила я, – но...

– О, двух человек мало, так ничего не получится. Нужно три, но не больше. Только три.

– А ты точно в этом понимаешь?

– Да! Не сомневайся. – Джоан помолчала. – Пожалуйста, разрешите помочь вам.

У Джоан было такое странное лицо – нервное, с плотно сомкнутыми губами, – и я заподозрила, что на самом деле она морочит нам голову.

А ещё у меня мелькнула мысль, что я ошибалась на её счёт. Возможно, вечно одинокая Джоан лишь делала вид, будто ей безразлично её одиночество, и была бы рада сидеть за обедом хоть с кем-нибудь, пусть даже и со мной.

Генри вздохнул:

– Слушайте, я даже ещё не решил, что вообще думаю об идее проводить спиритический сеанс. Глупость какая-то.

Джоан широко распахнула глаза:

– Нет-нет, это вовсе не глупость. Привидения окружают нас и только и ждут, когда с ними заговорят. Иногда они даже просят нашей помощи. Правда, некоторые из них не очень приветливы. Вот почему вам нужен консультант, у которого уже есть опыт проведения сеансов. И это я. Так что?

Я положила руку на свой ожог – когда по коже бегали мурашки, он начинал больно зудеть.

– Говоришь, некоторые не очень приветливы?

– Они такие же, как и люди: одни добрые, другие злые.

Я смерила Джоан долгим пристальным взглядом. Её экс-

пертные знания вызывали у меня сомнения. К тому же она не имела никакого отношения к миру концертного зала. Что она о нём подумает? Как отнесётся к тому, что я там живу?

Но Джоан жалобно смотрела на меня, и я просто не смогла ей отказать. Мне же до того хотелось войти в контакт с призраками, что от нетерпения подвело живот.

– Ладно, – сказала я наконец.

Генри с удивлением посмотрел на меня.

Джоан восторженно взвизгнула и достала из сумки карандаш и листок бумаги.

– Только руковожу операцией я, понятно? – поспешно добавила я. – Ты только консультант.

– Конечно! – кивнула Джоан. На листке она написала заголовок: «*Инструкции по проведению спиритического сеанса*». – Теперь, где мы будем вызывать призраков и зачем?

– В Эмерсон-холле. Мы с Генри... – Я умолкла.

Он вскинул руки.

– Теперь уже можно ей всё рассказать.

– Что рассказать? – прошептала Джоан.

– Мы видели призраков. В концертном зале. Но только один раз, и с тех пор не можем их отыскать, а мы хотим с ними поговорить по-настоящему.

Джоан сделала глубокий вдох, чтобы сосредоточиться.

– Ну надо же, ну надо же. Нет, это просто... с ума сойти. – Она сложила листок пополам и начала лихорадочно водить карандашом по бумаге.

– Что ты пишешь? – поинтересовалась я.

– Список необходимых вещей. – Она завершила перечень длинным росчерком, и мы склонились ближе, чтобы прочитать написанное.

– Самодельная доска для спиритического сеанса? – спросил Генри.

– В магазинах продаются подделки, – ответила Джоан. – Если сделать доску самостоятельно, она будет обладать куда большей силой. Не волнуйтесь, у меня есть для этого всё, что нужно.

– Три белые свечи, миска с водой, перо, ладан, ценная личная реликвия... по волосу от каждого из наших родителей? – Я скривилась и подняла на одноклассницу глаза. – Ты шутишь?

– Правила придумала не я, – пожалала плечами Джоан.

Генри поёрзал на стуле.

– А если у нас нет... если собрать все перечисленные предметы не получится – ничего не выйдет?

– Ну почему же? Может, и выйдет, – поспешила успокоить его Джоан. – Главное – сильное-пресильное желание войти в контакт. А предметы просто помогают сосредоточиться.

Я попыталась представить, как подхожу вплотную к Маэстро и выдираю у него с головы волос.

– Бр-р. Ладно.

– Хорошо, – согласился и Генри, но до конца большой перемены не сказал больше ни слова.

В тот день после школы, закончив наполнять сахарницы в «Счастливом уголке», я облокотилась о прилавок.

– Миссис Барски! – После того как мы с Генри упомянули о привидениях, хозяева кафе вели себя совершенно обычно, словно ничего не произошло. – Как вы думаете... Мне нужно купить кое-что. Можно мне получить скидку для сотрудников?

Миссис Барски подняла голову от кассы:

– Что именно ты хочешь купить?

Я пожала плечами:

– Свечи и всё такое.

Миссис Барски вытянула губы трубочкой. Я заставила себя встретиться с ней глазами.

Наконец она кивнула:

– Хорошо, Оливия.

Я выбрала всё, что нам понадобится: три белые свечи, ароматические палочки из сандалового дерева и курильницу для благовоний. В карманах звенели деньги, которые дали мне Генри и Джоан.

Я выложила все монеты на прилавок.

– Вот.

Миссис Барски, не говоря ни слова, просканировала покупки. И только когда я направилась к двери, она окликнула меня:

– Оливия!

Я обернулась.

– Будь осторожна.

Я поблагодарила её за скидку и вышла. В груди у меня метались молнии страха и нетерпения.

Глава 11

Операцию по добыванию волоса Маэстро я откладывала до самого последнего момента. Сна ни в одном глазу, я легла в постель и стала ждать. Под одеялом я стискивала свой рюкзак со всеми приготовленными для сеанса предметами, включая важную личную реликвию – альбом для рисования.

– Ты сегодня что-то задумала, Оливия, – пробормотала нонни с другого конца комнаты.

– Спи, нонни, я устала, – ответила я.

Наконец я услышала шаги Маэстро в коридоре, потом на кухне, а затем он вошёл в свою комнату. Пора. Я подождала, сколько смогла выдержать, и осторожно выбралась из постели. У двери я остановилась и позвала:

– Нонни.

Она в полусне что-то пробормотала.

– Я сегодня провожу спиритический сеанс. Помнишь, мы о нём говорили? Но ты можешь остаться здесь. Спокойной ночи. Всё будет хорошо.

– Принеси мне редиски.

– Обязательно.

В коридоре я держалась поближе к стене. Я была в одних носках, и бетонный пол холодил ступни.

Что-то потёрлось о мою ногу. Я чуть не вскрикнула, но вовремя увидела в темноте два зелёных глаза и с облегчением вздохнула:

– Игорь, перестань подкрадываться исподтишка.

Кот вскинул голову.

– Не смотри на меня так. Я серьёзно. – Собирая храбрость в кулак, я двинулась дальше к комнате Маэстро. Это несложно: нужно просто проскользнуть к нему и, пока он спит, выдернуть один волос из его густой шевелюры.

Но подойдя к двери и положив руку на ручку, я застыла. На фоне обычной музыкальной мелодии – он всегда спал с включённой музыкой – я расслышала странный звук.

Похоже на плач.

Что за ерунда? Маэстро никогда не плачет. Он весь состоит из камня, цифр и гнева, а по большей части из музыки – холодной, бесчувственной музыки, исторгаемой металлическими трубами.

Но я отчётливо слышала рыдания. У меня закружилась

голова: Маэстро произносил имя «Кара».

Так звали мою маму.

– Кара, пожалуйста.

Я быстро вернулась в кровать и, как ни зажимала ладонями уши, никак не могла избавиться от звучащего в них плача Маэстро. В конце концов Игорь забрался мне на руки, и я выдернула чёрный волос из его хвоста. Придётся воспользоваться заменой.

В полночь я услышала стук в дверь, ведущую на парковку, толкнула её, и в коридор, освещённые со спины лунным светом, вбежали Генри и Джоан. От здания отъезжало такси. В городе было темно и тихо, горели только окна высокого офисного здания, где всё ещё работали какие-то неутомимые трудяги.

– Удалось незаметно сбежать из дома? – спросила я гостей.

– Запросто, – отмахнулся Генри.

– Ага, – кивнула Джоан. – Папа спит как убитый. Ты видела – сегодня полнолуние. Лучшее время для спиритических сеансов, всё выходит особенно впечатляюще.

Я закрыла за ними дверь и повернула замок.

– Сюда.

– Надеюсь, вы подготовили всё необходимое? – спросила Джоан из темноты у меня за спиной.

Луч карманного фонарика плясал впереди нас.

– Свечи, благовония, спички, – перечислила я.

– Перо, миска, – продолжил Генри.

– А я принесла доску для сеанса, – заговорщицким тоном сообщила Джоан. – И два волоса.

– Да, я тоже, – быстро добавил Генри.

Джоан решила проводить сеанс на сцене – по её мнению, орган должен создавать нужную атмосферу. Я провела туда ночных гостей окольным путём, чтобы они не видели подробностей моего скудного быта.

Когда вошли в зрительный зал, Джоан схватила мой фонарик.

– Ух ты, – прошептала она, – изумительно! – Она обежала зал, направляя свет на балконы, на мерцающие трубы органа.

Мы вышли на середину сцены. Джоан зажгла свечи и приготовила курильницу для благовоний. Из своей сумки вытащила бутылку воды, наполнила принесённую Генри миску и пальцем нарисовала в воздухе над водой крест.

Я постаралась сдерживать смех. Поскольку Джоан не была священником, я сомневалась, что от этого креста будет какой-то толк.

У меня засосало под ложечкой. Явятся ли привидения? И какими они будут – добрыми или злыми? И так ли это просто – общаться с призраками? Я оглядела тускло освещённый зал. Из всех углов тянулись тени. Когда Джоан зажгла свечи, тени заплясали.

Генри прошиб пот. Я удивилась: неужели и я выгляжу такой же нервной?

– Садимся в круг, – сказала Джоан. – Оливия, ты сюда, а Генри рядом с тобой. Поближе, чтобы можно было взяться за руки. Я сяду напротив.

Я села, хмуро глядя в пол. Может, поплевать на ладони, чтобы никто не захотел держаться со мной за руки?

– Волосы, – скомандовала Джоан, протягивая руку, и, получив волоски, бросила их в миску с водой. – Перо.

Генри отдал ей облезлое голубиное перо. Тогда Джоан села и расположила миску и перо посередине между нами.

– Теперь нужно поместить в круг свои личные реликвии, – велела она, вытягивая руки вперёд, – и рассказать, почему мы их выбрали. Я первая. – Она положила рядом с пером крошечную тряпичную куклу. – Это Магда. Мне сшила её бабушка, когда я была маленькой. Она напоминает мне о семье и взаимовыручке и вызывает сильные положительные эмоции, которые отгоняют злых духов. – Джоан с улыбкой погладила Магду по голове. – Теперь ты, Оливия.

Из темноты на сцену с любопытством выбрался Игорь. Он словно удивлялся: «Оливия, что ты делаешь? Что всё это значит?»

Выражение его глаз заставило меня нервничать ещё больше, но я вынула свою реликвию.

– Это мой альбом для зарисовок. Я ношу его с собой повсюду и храню в нём все свои рисунки.

– И?

И мне подарила его мама, сказав, что очень важно иметь

мечту. Мечты подсказывают нам, кто мы есть, и помогают справиться с неприятностями. Я взглянула на Джоан:

– И ничего. Это всё.

Джоан вздохнула:

– Генри?

Генри поставил перед собой стеклянную банку, потемневшую от времени, пыли и бог знает от чего ещё. Внутри что-то гремело, но через коричневое стекло ничего не было видно.

– Это... банка, – начал Генри. – Я храню в ней важные вещи, которые много для меня значат. И... ну вот.

– Больше ничего не хочешь добавить? – спросила Джоан.

Генри помотал головой.

– Слушайте, вы должны серьёзно относиться к сеансу и демонстрировать широту мышления, – сказала Джоан. – Иначе ничего не выйдет.

– Джоан, мы относимся ко всему серьёзно, непредвзято, и нас просто распирает от нетерпения, – заверила её я. – Давай приступим, а?

– В самом деле, Джоан, хорошо бы уже начать, – мягко произнёс Генри. – Действительно распирает.

– Ладно. – Джоан выставила руки вперёд. – Возьмите меня за руки и склоните головы. – Она закрыла глаза. – Да. Излучайте позитивную энергию. Позитивную, – она сделала вдох, – энергию. – Она выдохнула.

Мы взялись за руки и закрыли глаза. Потом Джоан опять заговорила.

– Привидения! – выкрикнула она и откинула назад голову, при этом чуть не выдернув мне руку из сустава. – Мы пришли сюда сегодня, чтобы побеседовать с вами и предложить помощь, если она вам нужна. Вы нас слышите? Вы здесь?

Ничего. Я приоткрыла один глаз и увидела, что Генри сделал то же самое. Вокруг царило полное спокойствие, только колебались зажжённые фитили свечей и от колышущегося света плясали тени. Я закрыла глаза, пока Генри не заметил, что я подглядываю, и постаралась сосредоточиться.

– Привидения! – снова выкрикнула Джоан. – Мы здесь. Мы хотим поговорить с вами. Вы нас слышите?

Через минуту Джоан вздохнула и отпустила наши руки:

– Не получается.

Генри вскинул брови:

– Может, мы должны проявить настойчивость? Мы всего-то...

– Слушай, не учи меня проводить сеансы. Не надо долго задерживаться в одном положении, нужно менять подход. – Она повертела головой.

– Как скажешь.

Джоан вытащила свою самодельную доску и начала переставлять все предметы. Игорь уселся на краю сцены, наострив уши и ровно положив хвост позади, и уставился в темноту пустого зала. Вдруг он замаякал. И всё с бóльшим любопытством.

Я тоже посмотрела в зал, но увидела только красные зна-

ки выхода. Один из них моргал и гудел. Разве раньше такое было? От холода, опустившегося на зал, как невидимый туман, по коже у меня поползли мурашки – давно ли стало так зябко?

Игорь медленно встал. Шерсть у него на загривке поднялась дыбом – свидетельство самого сильного любопытства.

– Ну же, Оливия, – поторопила Джоан. – Давай руки.

Она положила наши руки на стрелку доски, представляющей собой кусок картона с отверстием посередине, затянутым снизу пищевой плёнкой, из-за чего буквы искажались, морщились.

– Не давите слишком сильно, – прошептала Джоан. – Просто коснитесь картона. Закройте глаза. Сделайте долгий выдох.

Я выдохнула и услышала только биение собственного сердца и отдалённый гул электричества в неисправном знаке выхода. Генри прижался ко мне коленом.

– Привидения, – снова обратилась к призракам Джоан. – Скажите, вы здесь?

Стрелка под нашими пальцами начала двигаться. Генри вскрикнул, а я крепко прикусила язык, чтобы тоже не закричать.

– Соберитесь, – прошептала Джоан. – Начинается. Смотрите.

Мы взглянули на стрелку, кончик которой перемещался по доске, – но что за буквы она показывала? Сначала «Н»,

потом «И», потом «З». Бессмыслица.

Я представила, как мой мозг словно щупальцами обшаривает все углы помещения. Пожалуйста, пусть всё это будет правдой.

– Джоан! – прошептал Генри. – Что это такое?

– Она сама двигает стрелку, – сказал голос откуда-то из кулисы – хриплый, гулкий, неприятный.

Мы все замерли, и стрелка тоже. Джоан с окаменевшим лицом смотрела мимо нас.

– Оливия! – Генри впился пальцами мне в колено. – Что это?

Я подавила панику. То, что стояло за нашими спинами, явно выжидало. Мне хотелось бежать отсюда без оглядки, но любопытство подзадоривало повернуться и узнать, кому принадлежит голос.

И я обернулась.

Там стоял серый человек, высокий и худой, с чёрными дырами на месте глаз и таким же ртом. Он был весь из дыма, движущегося света и тёмных провалов. Голова сначала была очень большой, потом стала совсем маленькой. Нос блеснул на призрачном лице и пропал. Ноги были, а потом тоже исчезли.

Игорь ловил лапами движущиеся кончики пальцев привидения. «Какая занятная новая игрушка! Дай сюда!»

– А знаете, – произнёс пришелец, растягивая рот в ужасающей улыбке, – чтобы разговаривать с призраками, вся эта

ерунда не нужна.

Часть вторая

Часть Вторая

Глава 12

Джоан испустила сдавленный стон ужаса – как бывает, когда проснёшься от кошмара и хочешь закричать, но голос застревает в горле, – и бросилась к ближайшему выходу.

На сцене остались мы с Генри и Игорь. И высокий серый человек из дыма, а также ещё три призрачные фигуры позади него, появившиеся из темноты.

Мы с Генри наблюдали за их приближением. Генри сильно трясло, и я ждала, что он в любой миг вскочит и последует за Джоан, но я оставалась на месте, хотя сердце и норовило выпрыгнуть из груди. Мы сделали то, что хотели: вступили в контакт с призраками – как же можно упустить такую удачу?

Кроме того, Игоря появление призраков на сцене, кажется, не обеспокоило. Он даже завалился рядом с серым мужчиной и подставил ему свой живот.

– Не нужно нас бояться, – сказал призрак. Его улыбка представляла собой кривую дыру, а вместо живота чернел провал. Он протянул руку, и дымчатые пальцы красноречиво изогнулись. У него был странный старомодный акцент. – Мы не обидим ни тебя, девочка, ни твоего кота, ни тебя, Генри.

Генри издал тихий испуганный звук.

– Вы меня знаете?

Серый человек по-птичьи вскинул голову:

– Я провёл в этом здании много лет и знаю обитающих здесь людей. Мы давно наблюдаем за вами обоими.

Меня осенила догадка:

– Значит, этот морозный воздух говорил о вашем присутствии!

Улыбка серого человека стала ещё шире.

– Именно. И, я думаю, теперь мы готовы вам доверять. В конце концов, вы взяли на себя труд вызвать нас. Мы должны хотя бы поздороваться с вами. – Призрак повернул голо-

ву на сто восемьдесят градусов к стоящим за его спиной фигурам. – Вы согласны, друзья?

Три привидения кивнули, отчего их дымчатые тела пошли волнами.

– Я – да, – произнёс один из двух невысоких призраков – мальчик, вероятно чуть младше меня. Его серый силуэт имел голубоватый оттенок и был в тёмных светящихся пятнах, похожих на ожоги. – Думаю, Тилли тоже согласится, – продолжил он, улыбнувшись. Половина челюсти завитком дыма сползла вниз и снова вернулась на место. – Конечно, это только моё предположение.

– Я согласна, – сказала другая маленькая фигура – синевато-серая девочка с косичками, парящими вокруг её головы. Дым поднимался над её телом, словно она была объята огнём. – И могу поручиться, что Джакс тоже.

Серый мужчина кивнул:

– Понимаете, Тилли и Джакс не видят и не слышат друг друга. Это очень трагично.

Мальчик, Джакс, сложил руки на груди, а девочка, Тилли, выплюнула на сцену шарик завивающегося дыма, который растаял и просочился сквозь пол.

– Не драматизируй, Фредерик, – сказала Тилли.

– Прости, я действительно питаю слабость к мелодрамам, – ответил серый мужчина. – Думаю, это побочный эффект от занятий искусством... – Он нахмурился. – Наверное, это было искусство. Хотя, может быть, и политика. Или

сельское хозяйство. Я точно не помню.

– Искусство? – прошептала я, пытаюсь уложить всё происходящее в голове.

Серый человек, Фредерик, кивнул, потом поклонился, осел на пол, превратившись в сизую лужу, и снова принял прежний вид. Мы с Генри отшатнулись, но он только улыбнулся:

– Прошу простить. Иногда мне трудно сохранять форму. – Он притянул к себе оставшиеся клочья дыма и огладил мглистый пиджак. – Меня зовут Фредерик ван дер Бург, а это Тилли и Джакс. – Он указал пальцем на призраки детей. – А это, – он направил палец на четвёртое привидение, – мистер Уортингтон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.